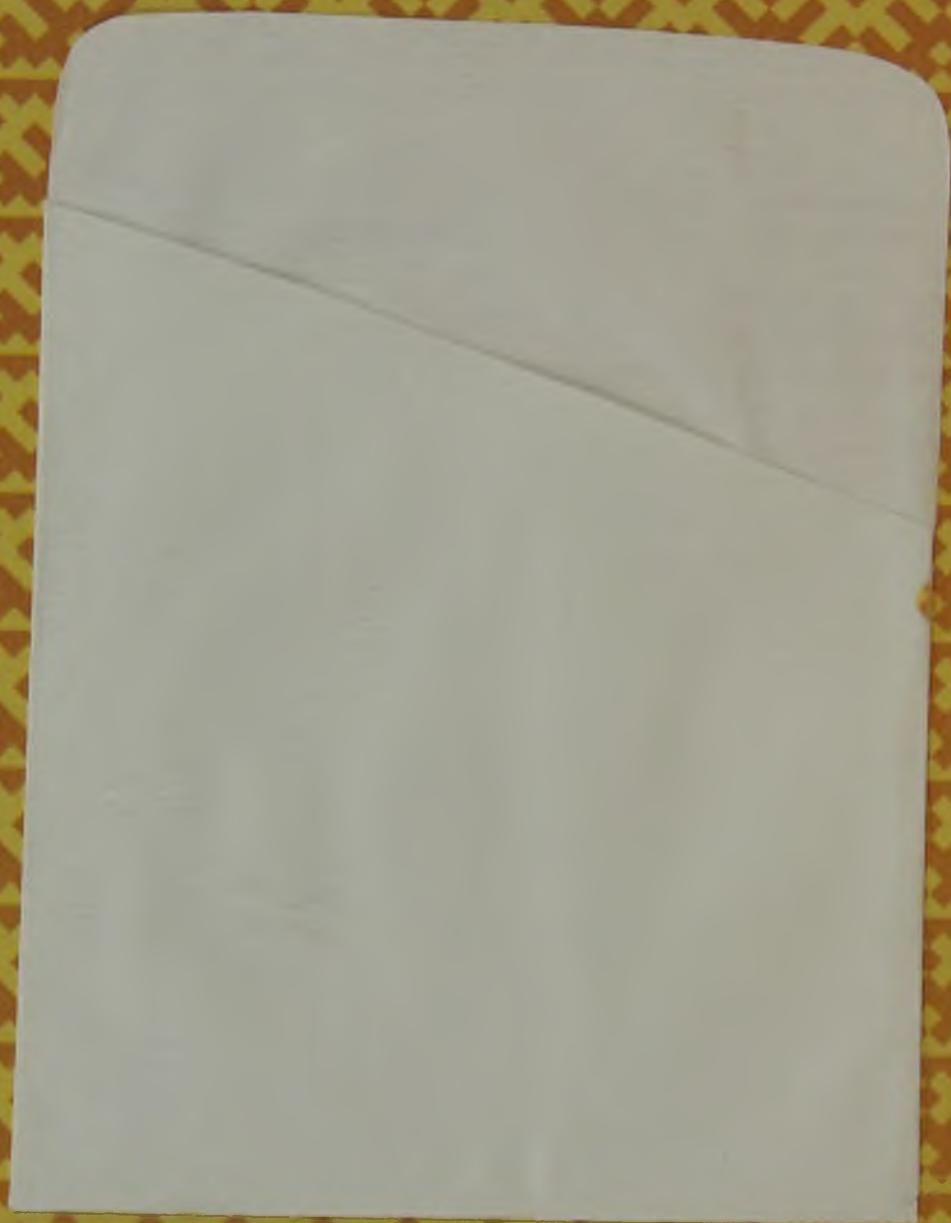

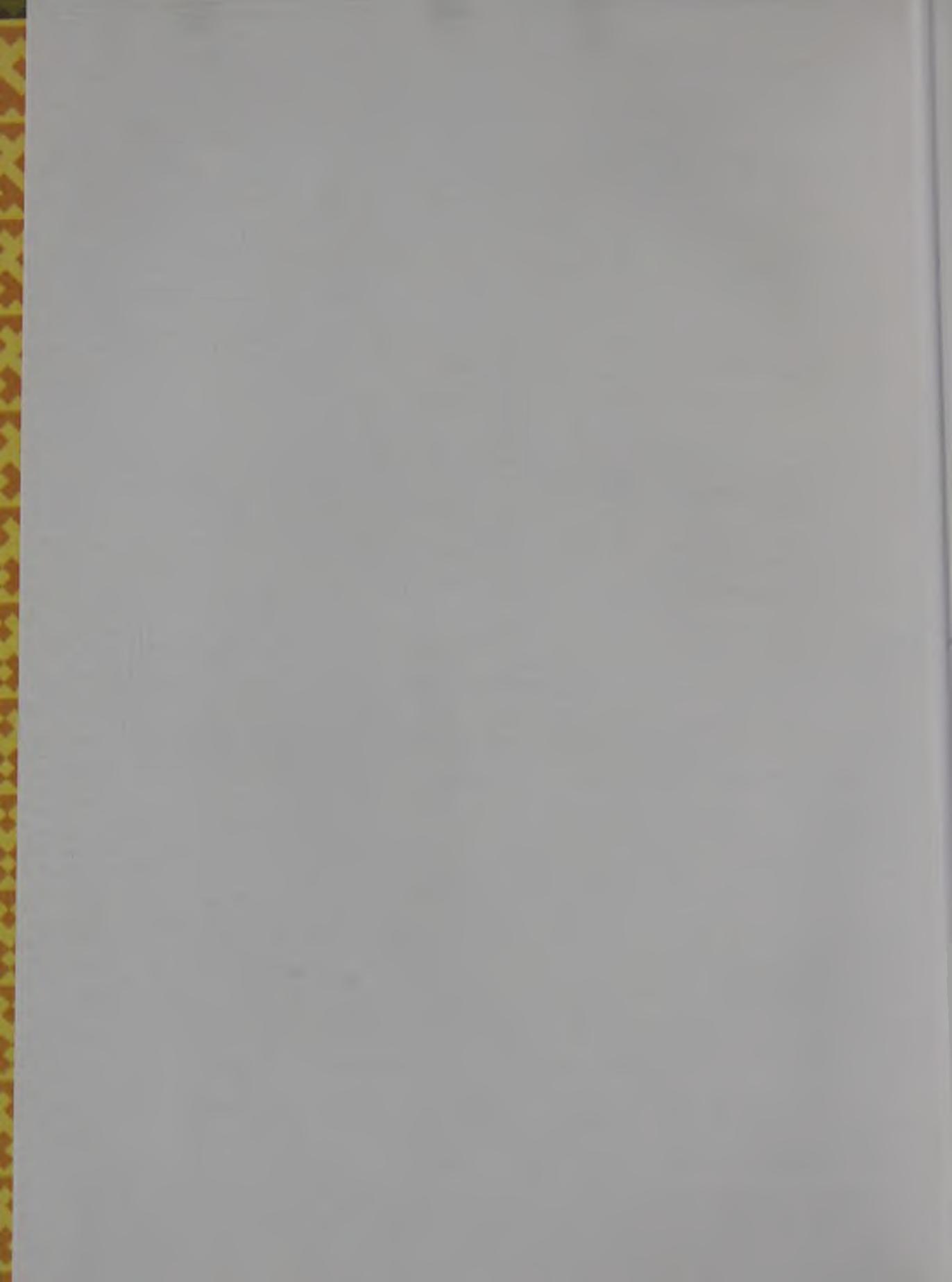
Стария Вагатова

МОЯ ПЕСНЯ,
МОЯ ПЕСНЯ

Мария Вагатова

МОЯ ПЕСНЯ, МОЯ ПЕСНЯ

СТИХИ • ЛЕГЕНДЫ • СКАЗКИ

Ханты-Мансийская государственная окружная библиотека	обязательный экз. ХМАО
--	------------------------------

Екатеринбург
Средне-Уральское книжное издательство.
Новое время
2002

Ханты-Мансийская государственная окружная библиотека	КО
--	----

-075802 -2

ББК 83.3. Хан.
В12

На русском языке
Художник Г. Райшев

ISBN 5-93714-006-0

© М. Вагатова, 2002

© А. Агзамов, оформл., 2002

© Г. Райшев, илл., 2002

«В МОЕМ СЕРДЦЕ ВСЯ ПРИРОДА...»

(Слово для читателя)

Мария Кузьминична Вагатова — человек многогранного дарования. Она и поэт, и сказитель, и певец, и музыкант, и публицист, и исполнитель народных танцев, и прекрасный наставник и организатор. Словом, трудно перечислить, ничего не упустив, все, что ей удалось создать за свою творчески насыщенную жизнь. За что бы она ни бралась — все у нее получается хорошо, все ей под силу.

Мария Кузьминична — человек жизнелюбивый и жизнерадостный. Всем своим детям и внукам она вдохнула свои разносторонние способности, каждому передала частицу своего дарования. В ее семейном ансамбле «Ешак най» («Огонек») самые младшие внучата начинают петь и танцевать с того момента, как только начинают говорить и ходить.

Жизнь и творчество поэта нельзя пересказать, нельзя описать. Все это читатель может найти только в стихах, только в книгах поэта. В своем новом поэтическом сборнике «Моя песня, моя песня» свое состояние души, мировосприятие ханты автор наиболее полно выразила в двух строках:

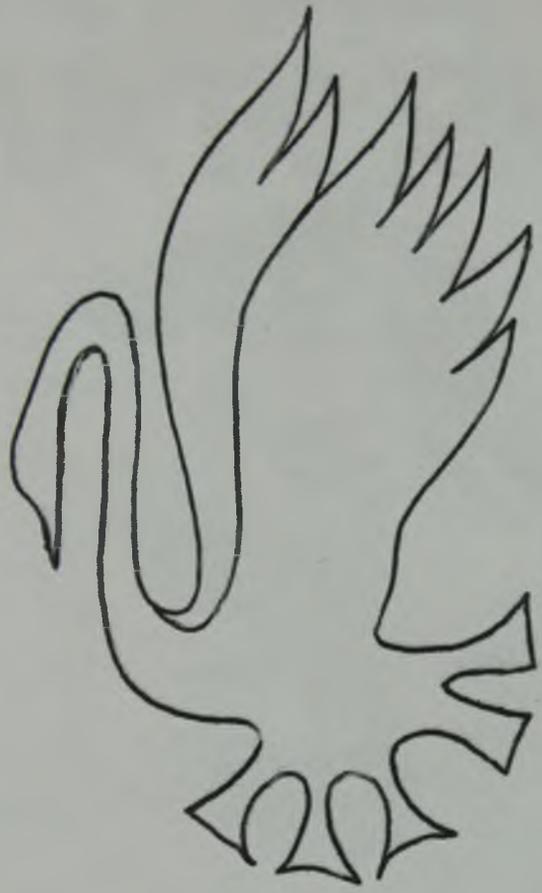

В моем сердце вся природа,
Добрый нрав и ум народа...

Мария Кузьминична, пусть вечно витает над Югор-
ским краем Ваша песня, вселяя в сердца людей доброту
и мудрость наших народов!

*Еремей Айпин,
2001, Ханты-Мансийск*

СЕРДЦЕ МАТЕРИ

СТИХИ

ПЕСНЯ БАБУШКИ

За окном гнездо зиме
Ветер с ночью вьют.
— Спой мне, бабушка, про жизнь твою.
— Песня, внучка, как Обь, длинна.
У людей зима, а мне все весна.
Я про первую жизнь вспоминать хочу,
Как любила я наш веселый чум,
Как шила, расшивала,
Как я пела, танцевала,
Била белку,
Мяла кожи.
И богам молилась, что же,
У кого просить участия?
Мы в урмане жили, в чаще
Годы девичьи прошли.
Помню, как-то зимней ночью
Руки мне связали, ноги,
В юрту мужа повезли...
Лицо скрывала, внученька,
Велел обычай мучиться.
Из бересты раз десять
Я колыбели шила.
Один живой, что делать?
Так мы прежде жили.
О добрый час! И в будни
В душе поет ручей.
И стала я как будто
Ровесницей твоей.

* * *

И горда я, и красива,
Черный сах* на мне искрится,
Белый сах на мне искрится.
Я поймаю трех оленей —
Серебром их шерсть лоснится,
Белым инеем дымится!
Запрягу я трех оленей,
Запрягу, украшу шеи —
Где других найдешь быстрее!
Мчатся нарты, точно птицы, —
И горда я, и красива!
Как бубенчик бьется звонок!
Как у нарты полоз тонок!
И смеюсь я, как ребенок —
И горда я, и красива!
Где олени шли гурьбою,
Следом снежной целиною
Я лечу, а за спиною
Вереница нарт за мною.
Целиною, целиною!
И горда я, и красива!
И не знаю я вольней
Тундры — родины моей!

*Сах — женская меховая шуба.

ВОЙДИ В МОЙ ДОМ...

Если наденешь белый сах с узорами,
Ты — освещенное цветущее дерево.
Если ты этот сах снимешь,
Ты — спелая морошка, что выросла вблизи болота,
Красно-желтым соком налитая.
Если платье, расшитое узорами и бисером, ты снимешь,
Ты — спелая морошка, что растет около леса,
В укрытии зарослей трав и кустов,
Розово-желтым соком налитая.
Вот ты какая выросла, расцвела,
Вот какую девушку я встретил,
Какую мне девушку судьба явила.
Вкусным соком спелой морошки
Сердце залилось и растаяло.
Вкусным соком спелой морошки
Все нутро мое наполнилось.
Войди в мою жизнь — мой дом.
Живи со мною.
Ты — спелая розово-красная морошка,
Выросшая в зарослях,
Это твой девичий вид,
Такою ты мне видишься.
Ты — спелая красно-желтая морошка,
Что выросла на краю болота,
Где много трав и кустарников,
Они укрывали тебя от зноя и жары,
От холода и ветров.
Войди в мой дом — в мою жизнь,
Живи со мною вместе.

МОЯ ВОДА РЕКИ МОСУМ

Е.Г.Харанзеевой

Моя вода реки Мосум,
Я тебя украсила лыжными путями,
Моя земля реки Мосум,
Я тебя расшила узорами пройденных троп.
Шкуроч красного зверя полную ношу,
Шкуроч белого зверя полную ношу
Много я носила-переносила.
А теперь меня, женщину, старость взяла.
А теперь ко мне, женщине, старость пришла.
У двуствольного моего ружья
Стволы заржавели.
Двуствольное мое ружье
Взяла ржавчина.
Пути, которые я оставила на земле, на воде,
Покрыты двухаршинным толстым снегом,
Тропы, которые я проторила по земле и воде,
Мхом густым заросли.
Меня, женщину, старость взяла.
Ко мне, женщине, старость пришла.
Мои длинные тропы
Пусть найдут молодые женщины,
Мои охотничьи пути
Пусть найдут молодые мужчины.
Мои воды реки Мосум
Им оставляю навсегда.
Мою землю реки Мосум
Им навечно отдаю.

СЕРДЦЕ МАТЕРИ

*Посвящается
моей милой маме
В.И.Вагатовой*

Матерь, все тепло собравши,
Нежность кровную несет нам,
Сердцем доброту познавши,
Дарит силушку бессчетно.
Так Земля на белом свете,
Все рождая в нашем лесе,
И листву, и хвою лета
Нежит до поры белесой.
У болот необозримых,
Теша маленькие корни,
Ягель низенький любимый
Соком жизни сладко кормит.
У Земли и нашей мамы
Схожи древние заботы —
Самой честной, важной самой
Заняты они работой.
Сердце матери сравнимо
Только с жизнью, только с нею,
Старость пусть проходит мимо,
К очагу спешить не смеет.
С мамой первое дыханье,
С нею открываем двери
В мир прекрасный утром ранним,
С ней в бессмертье ханты верят.

Материнскими сердцами
Все на свете бережется.
Оттого и над лесами,
Над болотами поется.
Из богатства ценной самой
Мать была и будет вечно.
Землю называют мамой
За надежность и сердечность.

ДОЧЕНЬКА, ДОЧЕНЬКА!

Освещалась юрта Солнцем и Луною,
И по зорям ярким день и ночь бежали.
Матери старанья собраны тобою,
И твои ручонки жизнь мою держали.
Доченька — кровиночка, доченька — душа,
Бесконечным временем хорошо дышать!
И походкой легкой по моей дороге
Мастерицей вышла в сахе ты расшитой.
Много удивлений и умений много
В теле твоём гибком юностью разлито.
Доченька — кровиночка, доченька — душа,
Нелегко, да надобно время украшать!
Юную хозяйку радостною песней
Уведет куда-то человек нездешний.
Наградит мужчина счастьем поднебесным,
Сердцем удивленным и душой негрешной.
Доченька родная, душенька, кровинка,
Береги от грязи радости слезинки!
Светлые два Солнца примет нежно время,
Как два дня похожих принимают ночи.
Под Луной невинной примешь мужа семя,
Чтоб союз извечный на Земле упрочить.
Дочь — душа, кровиночка, доченька моя,
Пусть теплом прославится и твоя семья!

* * *

Если сердце мое поет,
Разве стерплю я жить без звука?
Если душа моя рвется ввысь,
Я не усажу на Земле.
Каждой весной живые листья
На хрупких веточках вырастают,
Затем деревья расцветают.
Сердца моего кровяные нити словно
Весенней водой переполнены.
Они бурлят, колышутся, плещутся.
Новые мысли льются, слова выходят, появляются,
Они ветвятся, как корни и крона березы.
Если сердце мое поет,
Я тоже запою.
Если душа вверх просится,
Я тоже полечу.
Как весенние живые листья и цветы
Украшают воды и земли,
Дарят Земле красоту жизни,
Так же мои слова и песни
Пусть войдут в сердце моего народа,
Пусть поселятся в душе моих людей
Радость и тепло от них.

* * *

В моем сердце вся природа,
Добрый нрав и ум народа,
Что ветвятся, как деревья,
Полны света и доверья.
Как березка золотая,
Я свечусь на склоне лета —
Ничего я не скрываю.
Мне б успеть отдать все это,
Все вернуть Земле и детям,
Перетечь в сердца и души,
Нет на свете доли хуже,
Чем отдать это смерти.

МОЛИТВА МАТЕРИ

Вот столик с едой я поставила,
Вот столик с питьем я накрыла.
С горячих блюд пар поднимается,
С горячей еды и питья поднимается легкий дымок — пар.
Пусть посетят пешие святые сто духов мой дом,
Пусть витают крылатые святые сто духов.
Дом мой, полный маленькими детьми,
Пусть заслонят от зла полой святой одежды.
Дом мой, полный молочными детьми,
Закроют святой одежды рукавом,
Отделят от болезней и смертей.
Пусть светлые дни, для жизни данные,
Не потемнеют, черными не станут.
Торумом Большим Отцом посланные,
Моим молоком вскормленные маленькие дети
Пусть будут бережены Тобой,
Твоими полами святой одежды заслонены,
Рукавами святого гуся*
Прикрыты от горя и несчастья.
Я молю дочерям светлую жизнь,
Я молю сыновьям долгую жизнь,
Чтобы на их пути не было преград,
Чтобы их жизненные дороги бежали
По мягкой и гладкой Земле,
Мы бы все вместе спокойно жили.
Пусть этот стол с едой,
Пусть этот стол с питьем
Всевидящие сто святых,
Всеслышащие сто святых
Увидели, приняли, вкусили
Пищи и питья.

*Гусь — мужская одежда мехом наружу.

- 075802 -

17

Ханты-Мансийская
государственная
окружная библиотека

КО

СОЛНЦА ТЕПЛО — МАТЕРИ ГРУДНОЕ МОЛОКО

Земля сосет Солнца тепло,
Появляются травы, цветы,
Леса зеленеют.
Птиц и зверей живые гнезда
Тоже берут тепло Солнца...
Дитя сосет грудное молоко матери:
Растут руки, ноги и силы набирают.
Человек растет для белого дня — живой жизни.
Голубое небо, белизна Светлого Дня — жизни
Входят в детское сердце с молоком матери.
Глазами, похожими на спелые ягоды,
Смотрит дитя на мать —
И все льдинки в материнском сердце
От этого божественного взгляда тают.
Какое чудо!
Какая радость!
Выше этого чуда и радости разве что-то бывает!
Солнца тепло — что матери грудное молоко.
Они равную силу имеют.
Они равную цену имеют.

У ВЕСНЫ БОЛЬШОЕ ТЕПЛО

Пусть весеннего Солнца тепло
Заденет каждый сучок на деревьях.
В образе святой женщины-духа
Пусть живет каждая земная женщина,
Пусть все женщины Земли будут красивы,
Войдут в святой образ.
У весны тепло большое!
Вот этого времени и ждет лес:
У дерева без сучьев вырастут ветви,
На каменистых вершинах зацветут травы.
Если Мать возьмет тепло Солнца,
Она будет жить дальше светло и радостно.
Дочка ее косы заплетет!
Совет гнездо для своего дитя!
У весеннего Солнца большое тепло...
Пусть все матери Земли его берут,
Пусть в святости и радости
Живут женщины на Земле!

АННЭ

А. М. Коньковой

Обегающий стадо,
испуганный зверь —
нет, не так я — Аннэ, живу,
Зверь — забредший, трусливый,
могучий едва ли,
что от шума любого, от стука дрожит,
не такую на Землю меня посылали,
посылали меня, невеликую, жить!
Вьются тропы, ветвясь, как оленье жилы,
протоптали их люди...
Кровиночка их,
никогда я, дичась, в стороне не кружила
от их жизни нелегкой,
от стойбищ людских.
Я — с землею мансийскою, что б ни случилось,
так впиталась в меня она!
Жарко вдвойне:
мое сердце, растаяв, в нее просочилось —
в мою Аннэ добрую, честную землю.
Жизнь меня обнимает за слабые плечи,
утешает,
и я не клянусь неуют,
растворилась уже моя сочная печень
там, где люди мои и живут, и поют.
О, Земля моя!

Пусть беспокойство не точит
мои думы,
они растеклись и живут
в каждой речке твоей,
в каждой светлой проточке,
в каждой веточке юной и древней Югры.
Я — Аннэ — от рек ее!
Неудержимы и быстры
в каждой капле воды глазки крови моей,
и летят, и летят вдохновения искры
над домами родных,
дорогих мне людей.
И земля та кондинская стала мне близкой,
потому, за лишения жизнь не виня,
в теплом образе куклы народной мансийской
видят в бисере и украшениях меня.
Жизнью битая,
все ж не живу я обидой,
постоянной и твердой слыву,
в серебре мои теплые волосы —
вот я какая,
я — Аннэ — рядом с вами живу.
И хотя моя доля на горе обильна,
все я, Аннэ, вынесу,
ведь постаревшее сердце мое бьется,
как у ребенка, —
и зимою студенной не холодно мне.
Пусть утратила зренья — душою я вижу
Землю, Солнце, глубины мансийских озер,
с детской радостью мир этот росный вбираю,

и он жаден, мой детский восторженный взор...
Как в ковер, я вплетаю, родная природа,
твои дивные краски,
их чудом дышу,
все семь образов жизни,
семь духов народа
в сказках своих воскрешу.
О, я Большая Аннэ, обретшая славу,
так пою я,
вот песни мои, на виду.
О, я — Аннэ, народу по доброму нраву...
Так свой сказ я от чистого сердца веду.

СВЕКРОВИ

Благодарю я за любовь
Склоненной головой
Тебя, незримая свекровь —
Мать мужа моего.
За то, что лучший из мужчин
Мил сердцу моему,
За то, что плакать нет причин
У очага в доме.
Ты в мир другой давно ушла,
Но доброта твоя
Разлита в сыне без числа —
Он тратит не тая.
Своей богатою душой
Судьбу перелистал,
Он русским братьям друг большой,
И вровень с ними встал.
Родные искры теплоты
Чувала средь зимы
Оставила для внучки ты,
Чтоб радовались мы.
И теплый тундровый костер
Твоих тяжелых дней
Не покидает сына взор
У городских огней.
Тебя не знала я в лицо,
Но светлые черты
Твой первенец дарил отцом
Дочурке. С нами ты.
И твоей внучки колыбель
Несу я, как любовь...
Пусть будет мягкой постель
Земли тебе,
Свекровь!

СВЯТАЯ ЖЕНЩИНА-ОГОНЬ

Подаренная духом Ворт
добра Земля моя родная,
над ней искрится Солнце, свет
лучей бросая в синеву.
Святая женщина-огонь,
под ним, счастливая, выросла я,
святая женщина-огонь,
его надеждами живу.
Когда из дома выхожу,
что лаской и покоем дышит,
сах надевая, выхожу,
он вырывается из рук —
его узорную полу
день дуновением колышет,
узоры яркие бегут,
огнем играя на ветру.
Я надеваю свой платок,
в снегах, поземкою повитых,
узоры, кисточки его
колышутся передо мной.
Я вижу жизнь Земли родной
с семи сторон ее открытых,
глазами ясными вобрав
всю прелесть красоты земной.
Теченья вод моих таят
источники семи мелодий,
всем слухом воспринимаю их,
их тихим ладом дорожу.

Святая женщина-огонь,
так я живу в своей природе,
святая женщина-огонь,
ее дорогами хожу.

Когда вхожу в свое жилье,
не ущемленное углами,
сажусь — где исстари сижу,
покоем дышит мой изгиб,
красивыми руками я,
словно лебяжьими крылами,
красивыми руками я,
как плавниками обских рыб,
творю ветвящийся узор,
вернее, множество узоров,
святая женщина-огонь,
я украшаю все вокруг.

Сородичи,
я не таю
прекрасное от ваших взоров,
святая женщина-огонь,
всем ханты я по сердцу друг.

Их золотые думы в песнь
любви и радости впишу я,
сплетая в ожерелье их,
я сокровенное творю.

Святая женщина-огонь,
так о возвышенном пою я,
святая женщина-огонь,
так об извечном говорю.

Подаренная духом Ворт
добра Земля моя родная,
над ней искрится Солнце, свет
лучей бросая в синеву.
Святая женщина-огонь,
так о родной Земле пою я,
святая женщина-огонь,
ее заботами живу...

ГОЛУБОЕ НЕБО

Всех женщин Земли красивый платок —
Голубое небо над нами.
На том платке сияет лицо Солнца,
Плывет нежная Луна.
На платке узором звезды,
Цветные кисти радуг
Огнем и светом полыхают.
Голубое небо — на головы женщин Мира
Надетый красивый общий платок.
Пусть никогда он не чернеет,
Голубой, золотой платок с кистями-радугами,
Пусть не рвут его бомбы, взрывчатки,
Пусть пожаром не будет тронут.

ЖЕНЩИНА ИЗ ОСЬОЛАНГ ПОЕТ

(По мотивам народной песни)

На берегу тундровой маленькой речки
От Тарлина оставшееся стадо
Все еще бегают.

На берегу маленькой соровой речки
Тарлиным оставленное маленькое стадо
Все еще пасется.

Женщина из Осьоланг, пою,
Женщина из Осьоланг, говорю.

На берегу тундровой маленькой речки
Оленей восемьдесят.
Вон они бегают.

На берегу маленькой соровой речки
Двухгодовалых оленей восемьдесят,
Вон они пасутся.

Когда каслаюсь*,

Веду аргиш**,

Если тундра покрыта травой,
То след травяной остается.

Если тундра покрыта кустарниками,
То дорога из помятых кустов потянется.

Женщина из Осьоланг, пою,
Женщина из Осьоланг, говорю.

Сноху — женщину из юрты
Оставлю за себя, все ей передам.

* Аргиш — вереница нарт в обозе.

** Каслаться — кочевать, переезжать с места на место.

Пусть она будет крепким пнем,
Сильным стволом дома моего.
На берегу тундровой маленькой речки,
На берегу маленькой соровой речки,
Когда человек издалека приезжает,
Около дома пусть гостя встречает.
Около нарты, на которой гость приехал,
Пусть она его встречает.

ДЫХАНИЕ РЕБЕНКА

Земля жива дыханием ребенка!
Дыхание жизни — это дыхание ребенка!
Вместе стоят, зная это,
Все отцы и матери, живущие на Земле,
Одной думой, одной силой
Творят живое гнездо.
Оружие, смерть несущие вещи —
Надо все это сметать в сторону!
Над живым гнездом пусть будет небо!
Наверху пусть много звезд светится!
Солнца тепло греет Землю!
Детские голоса слышатся повсюду —
Нет дороже и красивее музыки.
Земля жива дыханием ребенка!
Дыхание жизни — это дыхание ребенка.
Земля — это живое гнездо!

МОЯ ПЕСНЯ, МОЯ ПЕСНЯ!

В ритмах сердца и устно, и письменно
Я к народу лечу моему,
Ибо слово рождается истиной
Женской доли в таежном краю.
Оттого и крылатою стала
Негромкая песня моя,
Но куда бы она ни летала —
Возвращается в наши края.
Никогда никого не обижу
Здесь, где звуки любви родились,
Где я в сердце ношу все, что вижу,
Что песнею названо: жизнь!
На просторе крылатом не тесно нам,
И рвутся из каждой избы
По хантыйской земле долгопесенной
Ветвистые кроны судьбы.
Я не дерево, веток лишненное,
Потерявшее корни свои,
Но хантыйской судьбою исконною
Меня дедовский дар напоил.
Не догонят ни звери, ни птицы
Распевное слово мое —
Как олень на свободе, все мчится
Окрыленное житие.
В ритмах сердца и устно, и письменно
Из моей небогатой избы
Посылаю слова свои листьями
По сибирскому ветру судьбы.

Не догонят ни звери, ни птицы
Окрыленную песней жизнь,
Что оленем упрямо домчится
В небесную нашу высь.

ЕСЛИ ПОШЛА ПЛЯСАТЬ ДЕВУШКА ХАНТЫ

У людей в моем доме,
словно иней, тают
вдруг сердца,

и взгляд обнять девушку спешит
в танце...

Песня, как олень, в даль спешит, взлетает —
«Молодая Куриня, Куриня!» — звенит.

На полу из гладких плах
кружится твой танец,
увлекая взгляды, ах!

В переплясе рук и ног, танец — не устанешь.

Девушка-огонь, станцуй!

Девушка-огонь, спляши
жаркий танец от души!

...Как ветвистую сосну
и качает, и гнет буря,
как сосна

машет ветками, борясь с буревалом,
так и

в танце горит яро, кружится она.

Как крыла взлетевшей птицы,

руки, устремившись ввысь, глядят облака,

а не то, как плавники рыб,

колеблют воду

руки — воздух взвит силою гребка.

Ноги девушки летят, устали не знают,

на бегу в моем доме, резвые, поют

и, звериных лап нежней, гладят и ласкают
землю мягкую свою,

теплую свою...

Песня, как олень, спешит.

Танец наш старинный
согревает, красотой душу напоив,
он от предков к нам пришел,

танец этот дивный,
поглядите, как горяч, быстр он и красив!
Ритуальный танец наш — вьется жарким пухом,
ноги сами в пляс идут.

А главней всего:

завораживает

он лишь высоких духом,
щедрым солнечным теплом веет от него...
Обнимая Землю всю искрометным взором,
пляшет девушка, кружась и волнуя всех,
тают косточки в огне танца
(то ли будет?!..)

у людей, живущих здесь, рядом на Земле.
Их сердца сильнее, в лад, начинают биться,
побуждая жизнь вперед, быструю,
стремиться.

МОИ ХАНТЫ, МОИ ЛЮДИ

В деревню Вон Ангклуманг,
В Вон Ангклуманг, хантыйскую деревню,
Если б я приехала,
Если б я пришла,
Была бы я подобна ветвистому дереву.
Людей, похожих на родню,
Всех отыщу, со всеми повидаюсь.
На самом заветном месте
Я сижу,
На месте, где должен сидеть дорогой гость,
Я, женщина, сейчас сижу.
Мои ханты,
Мои люди,
Их хвалю, о них пою не за то, что они богаты
Золотыми деньгами,
Не за то, что богаты вещами,
А за то их хвалю и пою о них,
Что лесных зверей и птиц
Следы могут находить на ощупь,
Могут по ним найти их.
Множество извивающихся путей и дорог
Могут найти
И пройти по ним.
У моих ханты,
У моих людей
Сколько на небе красок,
Их сияний, слияний, все это у них в сердцах.
Сколько на Земле красивых узоров,

Их слияний, сияний,
Все это в их душах светится.
В деревне Вон Ангклуманг
Мои ханты живут.
В деревне Вон Ангклуманг
Мои люди живут.
Я с ними повидалась, побыла,
Людей, похожих на родню,
Отыскала,
Испытала их тепло, высоту души.
Людей, подобных дереву ветвистому
и с крепкими корнями —
Всех повидала, всех нашла.
Это мои ханты,
Мои люди, всеми я очень дорожу.

МИЛЫЙ ПЕТАР, МОЙ МУЖ

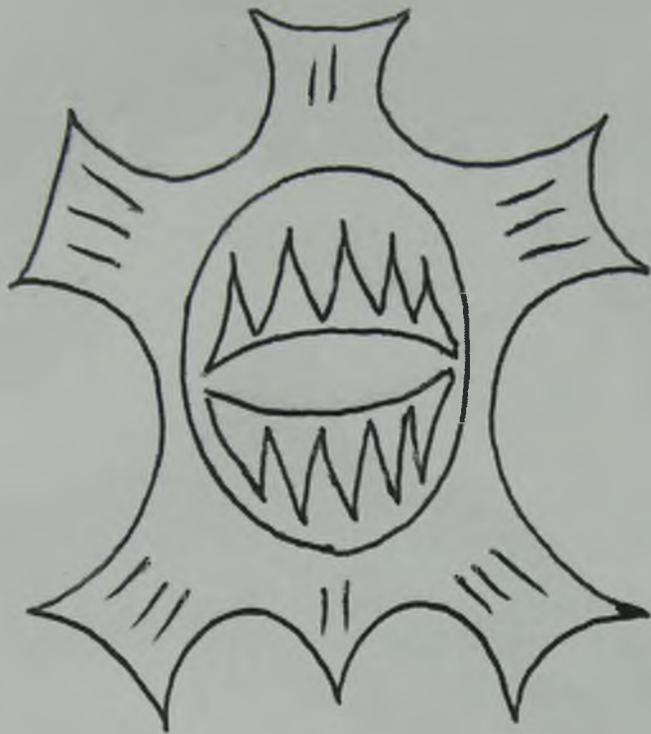
Милый Петар, муж ты мой,
Милый Петар, друг ты мой,
Позабыть ли мне то время,
Позабыть ли жизнь с тобой!
Это твой тынзян плетеный
Грел мне тело все больней.
Не забыть мне боли этой,
Как не знать тебе о ней.
Потому не знай и их,
Сыновей, детей моих.
Потому и звать не смей
Дочерьми моих детей.

Милый Петар, муж ты мой,
Милый Петар, друг ты мой,
Не качал ты детских люлек,
Мягкий пух не стлал зимой.
Ты не шил их из бересты.
Не сушил ты мох для них.
Это я вила им гнезда,
Мое сердце грело их.
Вот что помнит мое сердце,
Вот о чем пою порой,
Вот о чем хочу напомнить,
Ставши Матерью Большой.
Лишних слов я не сказала,
Лжи рассказ не знает мой.

Милый Петар, муж ты мой,
Милый Петар, друг ты мой,
Лишь одно еще скажу я,
Ставши старой и седой.
Без тебя мне день без Солнца,
Ночь была бы без Луны.
Это я не говорила,
Не могла до седины.
Есть у нас пять сыновей,
Есть у нас пять дочерей —
Это я не позабуду
В песне высказать своей.

Лишних слов я не сказала,
Лжи не знает песнь моя.
Я пою о милом муже,
С ним навек гнездилась я.
Десять жизней греет в чуме
Наш очаг, моя семья.

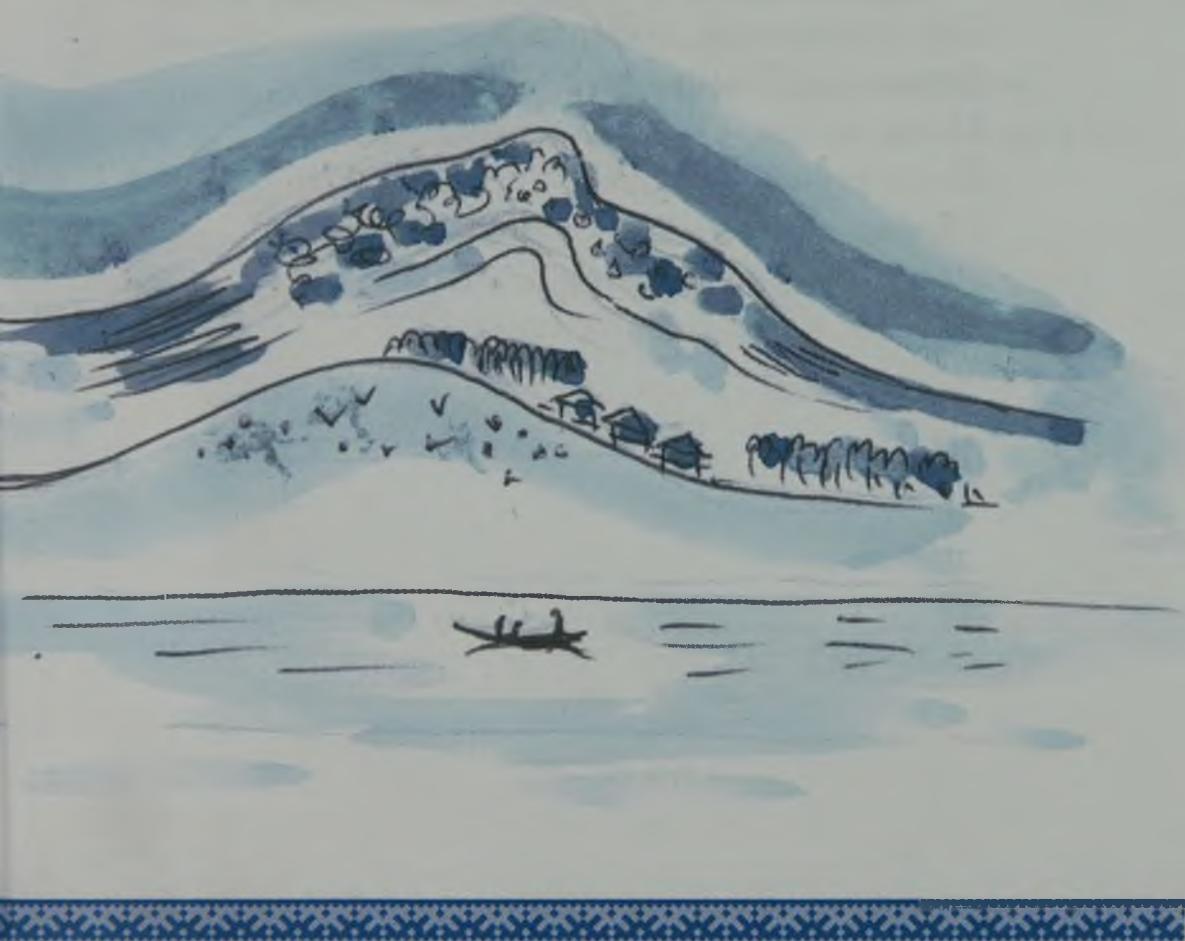

ХАРСАЮМ

СТИХИ

ТЕМ, В КОМ НЕТ СЕРДЦА

Нет в вас сердца. Ваша плоть
Сотворит ли кровь живую?
Вот что нелюдям живым
Неустанно говорю я.
Вам ли жизнь любить, когда
Вы впились в нее так злобно?
Скоро вытопчите вы
Ваш лужок, скоту подобно.
И падете — морды в пыль,
Обескровив ваши вены.
Впрочем, кровь ли в них текла?
Зло с дерьмом попеременно.
Знали ль Солнце ваши дни,
Ночи — звезд живых свеченье?
Не оставить сыновей
На Земле вам, без сомненья,
Потому не будет, нет
Вам на свете продолженья.

ПОМНИ!

Не кичись гладкой и прямой дорогой!
Помни всегда,
Что может, как игла, боль воткнуться в сердце.
Или споткнешься вдруг о старое гнилое дерево...
Все может еще случиться.
Сердцем ты это знаешь.
Прямо веди жизнь свою,
Как живут настоящие люди.
Силы тела и ума, не скупясь, влей в жизнь.
Детям, внукам дорогу вешкуй,
Чтобы легче было ее найти, по ней идти.
Отметь опасные места,
Чтоб ненароком не споткнуться, не упасть им,
Руки, ноги не сломать и нарту жизни не развалить.
Помни!
Тогда только Солнце
Останется на Земле для внуков твоих.

ЖИЗНЬ НАША — ИЗВИЛИСТАЯ РЕКА...

...Моя жизнь счастливою стала,
В новой жизни я родилась.
Это было время зрелости,
Руки силы накопили,
Ноги силы взяли.
У каждого ханты сердце пело
И зрели разные думы:
Откуда взялась новая жизнь,
Куда она нас поведет?
Только одно могу сказать прямо:
Не с времени царей началась
Новая жизнь.
Красные звезды с неба
Золотыми огнями горят:
Великий Ленин, народы ведущий,
Отворил дверь в новую жизнь.
С тех пор ханты, манси
Вместе стали жить в одной колыбели.
Бурливая Обь и рыбный Иртыш
Стали домом этим народам.
Какой только ветер
На нас ни дул,
Какие только воды нас
Ни омывали.
Газ Земли на помощь пришел,
Нефтью Земля поделилась.
Так силы наши возрастали.

Ханты, манси народы
Никому никогда не мешали,
Плохого не делали.
Русские люди нам помогли,
Русского народа-брата
Думы влились в нашу жизнь.
Так мы прожили это время.
Прошли годы...
А сейчас живем, как извилистая река,
Несущая свои воды
То сюда, то туда,
Очень тяжело так жить.
Жизнь идет то вперед,
То назад отходит, отхлынет.
А хотел бы жить мой народ,
Как прежде Торум жить велел.
С нашей одеждой, утварью,
С нашим родным языком,
С оленями, с живой Землею,
Со всеми людьми на Земле
Жизнь высоко нести.
Пусть снова станет так:
У старшего поколения в сердцах поселятся
Радость и спокойствие.
А дети будут расти и идти
По ровной проторенной дороге
К свету, как по воле прямой реки.
Вот тогда только
Осветится счастьем жизнь,
Это и будет новой жизнью...

КРОМЕШНАЯ ТЕМНОТА...

Страшная темнота,
Где водятся черти, нечистые духи...

Черная темнота,
Где живут болезни, смерти,
Мучения и их посылающие нечистые духи.
В эту темноту
В дорогу выйду.
В эту черноту
В путь пуцусь.
Знаю, Золотой Свет
Мне будет светить.
Моя дорога
Будет освещена!
Мой путь
Будет светом залит!
Оставшиеся позади,
До этого пройденные мною пути, дороги
Тоже не будут темными,
Черными,
Тоже будут светиться.
Знаю, за мной пойдут
Люди следующих поколений,
Им нужен Золотой Свет.
Их путь тоже пойдет
Через кромешную темноту,
Страшную темноту,
Где водятся черти, нечистые духи.

Их дороги тоже пройдут
Через черную темноту,
Где живут болезни, смерти,
Мучения и их посылающие нечистые духи.
Им тоже надо пройти
Через эту крошечную темноту,
Черную темноту,
Только тогда им
Будет светить Золотой Свет.
Зная это, я иду дальше
К белому чистому Свету.
Зная это, я иду дальше, все вверх,
Через черную темноту к
Золотому Свету!

ХАНТЫЙСКОЙ ЗЕМЛИ ПЛАЧ

Леса мои, украшенные ожерельями
Из разноцветных бус,
Боры мои с кудрявыми, вьющимися волосами
В безлесые ржавые болота
Втоптаны, вдавлены.
Пастью прожорливого зыбуна
Проглочены, съедены.
Радуги мои из
Вшитых полос разноцветного сукна
Втоптаны в черную болотную жижу.
Многослойные, многоцветные
Переливы красок радуги
Вдавлены в черный ил.
Матери-Земли слышу плач:
«С головы моей много-много волос
По одному, по одному выдергали.
С головы моей, где много-много
Прядей волос было,
По одной, по одной пряди выдергали, высушили,
Как труха, рассыпаются
Украшенья моего косника —
Ожерелья-радуги с корнями
Вместе выдергали, вырвали.
Оставшееся мое дыхание
С дымом смешалось.
О, великодушный Свет-Отец!
Дыхание мое кончается!
О, великодушная Солнце-Мать!

Как я дальше буду жить?»
...Дыхание страха вошло в мою душу,
Тело мое покрылось холодной
Склизкой пленкой,
Дыхание внутрь сердца ушло.
Слезы горя, беды дождем
В мою Землю ушли, впитались.
А моей святой Матери-Земли слезы —
Куда они уйдут?

БОЛЬШОМУ СЫНУ, КОТОРЫЙ ЖИВЕТ, КАК СВЯТОЙ ВОРТ

*Сыну венгерского народа
Андрашу Надю*

В эту святую Землю, где духи Най живут,
В эту святую Землю, где духи Ворт живут
Не по своей воле
Я приехала,
Не по своей воле
Очутилась я.
Большой сын, живущий, как Ворт,
По велению Светлого Отца
Меня позвал,
По велению Светлого Торума
Меня сюда привез.
Думы мои, скорые думы женщины,
Разбежались во все стороны Земли.
Думы мои, длинные думы женщины,
Разбежались во все стороны Воды.
Это непростое дело...
Такое просто не бывает.
Эту дорогу мне кто-то повелел,
Теперь я точно это знаю.
Эту дорогу мне кто-то начертал.
Я знаю, это так,
Это правда.
Века, длиною многих песен,

Имеют след, а сердца людей, живших
В эти века, разве бессильны,
Силы разве потеряли?
Века, длиною многих сказок,
Разве цену потеряли,
Кровь людей цвет потеряла?
Святые тысячи лет промчались,
Но искра их жизни
Не погасла,
Вот откуда костер жизни разгорелся.
Их живые сердца огонь разожгли.
Вот почему я тут стою,
Они дорогу заказали.
Стою на святом каменном Мысу!
Хожу по святому носу дубового Леса!
Глазами далеких предков из далеких песен
Смотрю на Землю.
Глазами далеких предков из далеких сказок
На сына-венгра смотрю и молюсь!
Пусть ему
Силы пошлют!
Пусть ему
Зоркость дадут!
Разве не имеют силы
Прошедшие до нас?
Разве их сердца погасли?
Нет, силы их живы,
Сердца их горят.
На Земле живущему сыну
Позвольте, предки, светиться.

Одной руки пять пальцев
Имеют святость и силу!
Святость многих поколений не потеряло
родство наше,
Дошло до нас, до наших сердец.
Сила святая схватывает сердце,
Чувствую большую силу братства и родства.
Потому я здесь,
Я корни ищу,
Потому моя кровь
Стала горячей,
Искрится каждая капля крови,
Светятся в них далеких предков
живые сердца.

Теперь я точно знаю:
Путь мне повелен ими.
Теперь не надо гадать:
Дорога моя ими отмечена была.
Враз глядят и Солнце, и Луна!
Это видели Най и Ворт!
Большой мой Сын,
Ты в сердце моем всегда живешь!

МНЕ ВЕЛЕНО ИМЕТЬ СИЛЫ, РАВНЫЕ ДУХАМ...

Памяти В.К.Вагатова

Мне велено иметь силы, равные духам Ворт,
В меня вложены силы, равные духам Ворт...
Высокие люди.

О них сказывали в сказках,
Таким высоким и я был.

Отец мой Айтуш Кусьма

Меня — Ай Вагат мужчину, на свет послал.

Я был мужчина с сильными руками,

Я был мужчина с сильными ногами.

Высокий Бог Торум Аси дал мне ум,

Внутренние силы.

Земли-Матери любовь ко всему живому

В мою кровь впитана была.

Только ношу тяжелее всех нош,

Только ношу непомерной тяжести

Выпало нести мне,

Взвалено было на мои плечи.

Ноша, полная несчастья...

Такую вот непосильную ношу

Мне было повелено нести пожизненно.

Ношу, полную беды,

Такую вот бедовую ношу,

Мне было суждено нести всю мою жизнь.

Я — Ай Вагат мужчина, на двух плечах

Двадцать лет эту ношу носил.

Я — Ай Вакат мужчина, на своем хребте
Много лет эту ношу терпел, не снимая.
Никому я зла не желал,
Никому я боль не причинил.
Расстояние жизни, которое мне было отведено,
Я прошел, прожил.
Большой Торум Отец
Милость свою показал,
Милость большую ко мне проявил.
Большой Торум Отец
Доброту свою показал,
Доброта его ожила во мне.
Сейчас я — Ай Вакат мужчина, живу, днюю, ночью там,
Где святые духи Лонгх живут, днюют, ночуют.
Если дума одной девушки, женщины
В святом углу с сидящими духами и меня позовет,
То по ее идущей дороге я могу
Хоть одну преграду убрать.
Если дума одного мужчины, юноши
В святом углу с живущими духами и меня поманит,
То в его жизни хоть одну преграду
Я могу убрать.
Ношу, полную беды, я долго носил, переносил,
Ношу, полную несчастья и горя, я носил, переносил,
Потому у меня есть силы святого духа Ворт,
Потому в меня вселили силы святого духа Лонгх.
Если день настал с множеством облаков на небе,
То я отдельным облаком по небу плыву.
Если день с ветром наступил,
То я в образе ветерка рядом промчусь.

Торум Отец в награду за испытание
Мне дал такое предназначение.
С тяжелой пожизненной ношей не зря
Я ходил, жил, терпел.
С ношей, полной беды и горя, не напрасно
Я жил, пережил, переносил терпеливо.
Большой Торум Отец дал мне долю такую.
Айтуш Кусьмы старший сын
Живу, сижу там, где святые Ворт живут, сидят.
Айтуш Кусьмы старшему сыну Пуркопу,
Мне определил Большой Торум Отец место,
Где живут святые Лонгх, туда впустил.
Почему я такие слова высказываю,
Почему я выказал свои думы тебе?
Если жизнь повесит и на тебя
Такую же тяжелую ношу,
Не вини других, а прими как должное.
Она от Бога Торума тебе дана, такая жизнь.
Взвали на оба плеча свою ношу — жизнь,
Неси ее достойно, спокойно
В течение всех дней и ночей, которыми
Тебя одарил Высокий Торум Отец,
Не перекладывай на чужие плечи,
На хребет другого человека.
Если рукам преграда возникла,
Если ноги наткнулись на преграду,
Молись святым духам Най,
Проси участия у святых Ворт.
Не пожалей для них рогастого
Красивого оленя-хора,

Не пожалей для них костистого,
Жилистого живого оленя.
Живую жизнь и облегчение для мужчины-ханты
Так нужно молить у Бога и Святых,
Живую жизнь для женщины
Так нужно молить у Святых и Бога,
Так нужно жить в живой жизни,
У терпения нет края и начала,
Но терпению твоему воздастся...

ПУСТЬ НЕ КОНЧАЕТСЯ ВЕРЕНИЦА ЛЕТ!

Светлый Торум,
Большой Отец!
Тебе данные, тебе служащие
Сто крылатых
Пусть нам помогают.
К себе взявшие, приютившие
Сто пеших
Пусть нас охраняют.
Пока я живу
В светлых днях,
Пусть моя песня
Не кончается.
Пока я живу
В светлых днях,
Сила моего слова
Пусть не слабеет.
Светлый Торум,
Большой Отец!
Сыновьям, которых ты послал
На Землю,
Дочерям, которым ты повелел жить
На Земле,
Крепость и силу
В сердца пошли,
Души силой наполни.
На Земле живущим ханты
Сердца сделай мягкими, добрыми.

На Земле живущим людям
Думы и мысли сделай чистыми.
Земли-Матери
Дорогой образ
Я воспеваю.
Земли-Матери
Красоту, нежность
В слова я вложила,
В язык вложила.
Но ведь и мой язык уходит.
И когда он уйдет,
Потеряется,
Кто найдет мое сердце,
Которое было у меня — женщины-ханты?
Вот в этих словах
Пусть найдут мое сердце,
Богом данную мою душу
Пусть здесь найдут.
Длинными, быстрыми шагами
Годы идут.
Они нанизаны на нити,
Уже большая вереница лет —
Тянутся они издалека.
Нанизаны на них живые жизни поколений,
Пусть не рвутся они, пусть дальше
Тянутся, не кончаются.
Это живая нить — жизнь наших
Детей и грядущих людей светлые дни!

МОЯ БЕРЕЗОНЬКА

Белое дерево с живым сердцем,
Бесценное дерево с белым сахаром...
Моя березонька,
Ты даешь мне жизнь.
Дерево бесценное мое, дерево с живым сердцем,
Всегда и везде ты со мной.
Знаю, ты говоришь мне:
«Живи, живи, добрая женщина,
Душа твоя светла и чиста,
Она вся светится.
Живи, живи женщина-ханты,
Сделай свою жизнь ветвистой».
Я смотрю на свое дерево,
Так ему говорю:
«Стой, живи, мое дерево,
Мое сердце светится тобой,
Твоей силой!
Живи, живи, моя березонька,
Тепло твое греет мое тело, мою душу,
Ты их делаешь сильными и живыми».
Светлое дерево с живым сердцем,
Бесценное дерево с белым сахаром...
Моя березонька!
Ты даешь мне живое дыхание жизни.

УСЛЫШЬ!

В. Волдину

Меня задело острое лезвие — горе.
Жизнь мою перерезало пополам.
Старинное черное емал*
Закрыло солнечную мою жизнь.
Что же мне делать, дорогой мой человек,
Большое горе — услышь это,
Помоги жизнь мою поднять
И повести ее дальше...
Слышу я в музыке жизни твои песни,
«Так Молупси» идет по дороге,
Услышь, как твердо он стоит,
Голос твой я тоже слышу,
В моем сердце, в сердцах ханты
Будет биться сердце,
Что ты отдал народу своему,
Горячим и ярким костром будет светиться.

*Емал — закрывание лица платком.

СВЯТАЯ ЖЕНЩИНА РЕКИ ПИМ

Алало, алало, алало-оо,
Алало, алало, алало-оо,
Кейе, кейе, кейе-йо,
Кейе, кейе, кейе-йо.

Святая женщина реки Пим,
Золотая женщина реки Пим,
Святая женщина в соболиной шубе,
Святая женщина в выдровой шубе.

Я — мужчина, ищущий водных рыб,
Я — мужчина, ищущий лесных зверей,
Я пою сейчас вот о чем,
Говорю сейчас вот о чем.
Когда я иду в лес,
Когда я еду по воде,
Святую женщину реки Пим,
Золотую женщину реки Пим,
Я ищу, зову,
Ей молюсь, кланяюсь ей.

Когда я по водному пути иду,
Когда я на лесную дорогу вышел,
Святую женщину в соболиной шубе,
Золотую женщину в выдровой шубе
Я с собой зову,
Я молю идти со мной.

Эй! Если я прошел счастливую дорогу,
Оставил удачливый путь за собой.
Святая женщина в соболиной шубе,
Золотая женщина в выдровой шубе,
На твои колени сидящей богини
Соболиные шкуры положу,
На твои плечи сидящей богини
Выдровую шкуру положу.

Святая женщина реки Пим,
Золотая женщина реки Пим!
Тебе, святая, я молюсь.
Тебе, золотая, я молюсь.
Святая женщина в соболиной шубе,
Золотая женщина в выдровой шубе,
Тебя всегда на помощь зову,
Тебе всегда молюсь.

Алало, алало, алало-оо,
Алало, алало, алало-оо,
Кейе, кейе, кейе-йо,
Кейе, кейе, кейе-йо.

ХАРСАЮМ

Харсаюм!

Святого холма красивая голова,

Я тебе не оставила одеяния.

Может, ты очень не довольна этим,

Святая из святых голова холма,

Я дала тебе железные деньги.

Помилуй меня, жалость ко мне прояви.

Думы и мысли ко мне поверни,

Зло в мою жизнь не посылай.

Я чту твою святость сердцем и душой.

Харсаюм!

На тебе, на теле твоём

Деревня стоит с людьми.

Это я видела, была там.

Телом своим, душой своей

Почувствовала твою святость...

Харсаюм!

Ты действительно святого холма голова!

Тебе духи повелели

Стать местом хантыйской деревни.

На тебе, на твоих плечах

Велели поставить деревню с хантами —

В тебе будет жить живой дух.

Бегайте, дети, по голове святого холма!
Издаюка приехавшему человеку
В сердце пусть войдет твоя святая сила.
В образе крылатой утки
Пусть летят ввысь его душа, его думы...
Летящим лебедем высоко
Пусть светится его душа.
Далеко пусть летит человек,
Пусть далеко приземлится от тебя...
Харсаюм!
Дух головы святого холма
В моем сердце далеко увезу.
Святая деревня с духом высоких людей,
Пусть длинна будет твоя жизнь,
Пусть твоя святость живет вечно.
Может, еще раз тебя увижу,
Силу твою почувствую,
Святой силой сердце наполню
И хранить буду долго,
Потом песню о тебе дальше повезу.
Дух твой живой во мне живет.
Ты, Харсаюм,
Святая деревня!
Любуйся Обью и долго смотри на нее!

Хантыйский народ и его дыхание береги!
В сиянии желтого блестящего шелка
Видишься ты мне.
Сохрани, береги меня, живой Дух!
Заслони меня от зла, святая деревня —
Живой дух на голове святого холма.

ЗЕМЛЯ МОЯ ОБСКАЯ

(Отрывок из поэмы)

Металась...

Тело то горело,

то холодело —

Случилась беда...

И она мне руки

отшибла.

Пот холодный

лоб заливал мне.

Смоленные черные волосы

Рассекли серебристые полосы —

Следы мигом промчавшихся лет.

Казалось,

Старинное, черное емал

Закрыло мне Солнца

свет...

Забыв про то,

Что есть врач —

друг,

Мужа бы сейчас

К постели позвать...

Он, как и тогда,

Посмотрит в глаза,

Тронет лоб

мой горячий.

И каждый, кто зрячий,

Заметит,

Я улыбаюсь

Ему одному,
Забыв обо всем:
«Дитя бы ему
я сейчас родила...»

Сама удивляюсь,
Удивляется врач:
Откуда у женщины
Сила взялась?
Назавтра с постели
Она поднялась!
А мысли легко,
Как анас* по насту,
бегут.

Это ж не только
Со мною случилось...

Вижу я след
прошедших
До меня на земле...
...Боец в огне и в дыму
За Родину бился в войну,
Враги посылали ему
в сердце огонь.

Горел, задыхался.
В болоте тонул,
Умирал, замерзал...
Только боец,
выиграв бой,

* Анас — то же, что и аргиш.

Роняя увядшие лепестки.
Родины плач
Я слышу в музыке траурной.
Стою у Вечного огня
Пискаревской земли —
Пламя выходит из глубины.
Смотрю, идет не дым от огня,
А живое дыхание их!
Живы они для народа!
Это свежая рана в его сердце,
Врагами навечно оставленная.
Свято хранят
В каждом доме у нас
Память любимых мужей
Сыновей
И отцов...
...Старая женщина-ханты
Дрожащей рукой
В передний угол понесла
Первую пробу ею сваренной пищи:
«Пусть постоит...
Ведь духи их живы!»
Вот откуда у ханты
В каждом доме добрый дух.
И живет он,
Пока огонь на земле
Не погаснет.
«Люди подобны деревьям —
Не без корней они,
Корни зажгли огонь жизни,

Вот и чтим мы их
В каждом доме,
В каждом сердце.
Это не горе наше —
Это сила наша.
Она уводит нас от бед», —
Поучал меня старый дед.
Спасибо тебе, мой старый
Добрый мудрец!
Не без корней мы —
Корни зажгли костер жизни!
И вижу, как вокруг он горит,
Вселяя в сердца
Свет и тепло.

МОИ ЛЮДИ ИЗ ДЕРЕВНИ ТУКЪЯКАНГ

Когда я выходила в путь, когда я ехала по дороге
В сторону деревни Тукъяканг,
С сиденья нарты, с того места, где я сидела-ехала,
Вглядывалась в свою землю, двигаясь вперед.
Множество рядов выросших на высоких холмах

деревьев

Узорчатой тесьмой тянулись ко мне.
Земли, где стояли, жили деревья,
Глазами вбирала в себя и дивилась.
Радостное волнение переполняло мою душу.
Вереницу озер, соединенных в ожерелье,
Сердцем принимала и дивилась.
Речки, проточки, бегущие узорами,
Кругами, дугами —
Это широкие дороги, где живут,
Ходят, плавают мои рыбы.
Я вижу, как они плывут со мною.
Икрыных рыб гнезда
Я знаю, здесь есть.
Множества людей с лодками и с нартами
Следы, пути, дороги
Я нашла, по их пути еду,
Их нашло мое сердце.
Когда в деревню Тукъяканг
Я приехала, когда с нарты встала на землю,
Люди, которых я еще не встречала,
Ханты, которых еще не видела,

С вестями и речами о жизни, о зверях и птицах,
о людях

Далеких и близких идут навстречу.

Узорами, похожими на крылатых птиц и зверей,

Мое сердце украсили,

Узорами, похожими на птиц и зверей лесов и вод,

Мое сердце расшили.

Ханты из деревни Тукьяканг

Сердце мое взяли, взяли.

Люди деревни Тукьяканг

Душу мою взяли, взяли.

* * *

Глаза твои, подобные двум звездам,
На меня посмотрели.
Два огня — твои глаза —
Задели мой взгляд
Теплом, хлынувшим от дневного летнего Солнца.
От взгляда твоего сердце мое стало горячим.
Светом дневного летнего Солнца
Наполнилось мое сердце,
В кипящий котел упавший кусочек льда — мое сердце —
Растаяло, растопилось.
В горячий огонь упавший кусочек льда — мое сердце —
Стало светиться, искриться.
Что же теперь ты можешь мне сказать?
Что ты можешь сделать, чтобы это остановить?
Мое, женщины, горячее сердце
Чем и как ты можешь остудить?
Мое, женщины, крылатое сердце
Чем и как ты успокоишь?
Высокий мужчина, красивый мужчина,
Зачем ты встретился мне?
Человек с высокой большой душой,
Зачем ты меня нашел?

В СЕРДЦЕ ЛЕСА

Стою в сердце леса.
Живу в сердце леса.
Или, может, лес в моем сердце...
Дышим с ним одним воздухом,
И душу, и думу имеем одну:
Человек и звери, рыбы и птицы
Пусть бы счастливо и радостно жили.
Есть здесь для них одежда,
Пища, все есть, что нужно для жизни.
Радостная, дивная мелодия
Многих песен сердце мое растворяет,
Когда я слышу ее.
Красоту найдет лес для каждого сердца.
Если устанешь — силы здесь найдешь.
Если ты мерзнешь — найдешь тепло здесь.
Если душа пуста — здесь душу наполнишь.
В таком доме только умей жить...
Если кто-то не замечает всего этого,
То живет с пустым нутром.

ДВА БЕЛЫХ ОЛЕНЯ

(По мотивам хантыйской народной песни)

Двух белых оленей,
Одинаковых белых оленей
Я запряг, связал.
Я поймал, связал.
Озерных моих людей длинный обский изгиб,
Обских моих людей длинный поворот Оби
Был моей дорогой, сел я на нарту и поехал
Моим путем,
Сел на нарту и по нему я поехал.
Двое мужчин на конях
Задумали со мной соревноваться:
На оленях или на конях быстрее
Этот путь пробежать,
По этой дороге промчаться.
Вот уже чуть-чуть задевают копытами нарту,
Вот-вот заденут нарту
Кони.
Кони быстро бегут,
Кони быстро скачут.
Двух белых быков с красивыми рогами,
Двух белых оленей с dospевшим мехом
Чуть-чуть пугнул хореем,
Да добавил силу вожжами.
И летящей птицы высоту
Набрали олени, полетели.
Быстро бегающего зверя скорость
Набрали олени, помчались.

Я полетел,
Моя нарта поднялась.
Озерных моих людей длинный обский изгиб,
Обских моих людей длинный поворот Оби.
За длинный изгиб Оби,
За длинный поворот Оби
Меня подбросили,
Меня помчали.
Два русских моих друга,
Два всадника на конях
В начале длинного изгиба Оби,
В начале длинного поворота Оби,
Далеко позади остались,
Все еще бегут, мчатся кони.
Двух белых оленей,
Одинаковых белых оленей
Я запряг в нарты,
Я поймал, связал в упряжку.
И легкой птицей полетел,
И быстрым зверем стал,
Над землей моя нарта поднялась.

ХЕТТА

СТИХИ

НЕ МЕНЯЙ РУКУ ДРУГА

Теплый ли ветер лицо твое нежно гладит,
Или злой буран колючими льдинками
Бьет по щекам,
В жизнь твою придет беда или горе,
А может, войдет в твой дом — в твою душу радость.
Может, по своей жизни-гладу ты легко и быстро идешь,
Вдруг ямы и рытвины
Испещрят эту гладь, идти по ним станет невозможно.
Может, так свободна душа твоя:
В ней поместится весь мир,
А может, так станет тесно, что
Дыханию негде жить.
Во всякое время, в любую пору
Крепко держи руку друга,
Не меняй его руку на другую...
Не меняй друга.

ВЫ БЕЛЫЙ ЛЕБЕДЬ ВЗГЛЯДУ МОЕМУ

Я здесь рожден и что грядет — приму
Под северной бескрайней синевою.
Вы белый лебедь взгляду моему,
Как лебедя, не смею вас неволить.
А красота — оленей, что луной
Сотворены из золота и ветра.
И я на все готов для вас одной,
Прислушайтесь, поймите и поверьте.
Хотя бы отчуждения не сейте.
Напряжены, болят все нити сердца.

ЛЮДИ РЕКИ МОСУМ АЙ ЮВАН

Ай Юван из рода Молдан,
Ай Юван из людей реки Мосум,
За столом, где много еды и питья,
Я сижу.
За столом, где много еды и питья,
Я сижу и пою.
Земля моя по реке Мосум
Дороже моего сердца, знайте.
Воды моей реки Мосум
Моего дыхания дороже, знайте.
Вот такая у меня есть земля.
Вот такая у меня есть вода.
Ай Юван из рода Молдан,
Ай Юван из людей реки Мосум,
На белом свете вот какое богатство
Мне дал Нуви Торум.
Если зимний день настал,
На лыжные тропы встаю.
Если зимний день вышел жить,
На оленью нарту сажусь.
В жгучие морозные дни
Тело, ноги мерзли много раз.
Заметенные бураном пути
Я не переставал тянуть по лесу.
Костры, зажженные из смолистого сушняка,
Домом мне служили.
Огонь, зажженный из смолистого сушняка,
Домом мне всегда был.

Огнем обласканный Ай Юван,
Огнем согретый Ай Юван,
Много пота я вылил на мои тропы,
Много слез из глаз пролилось.
Ай Юван из рода Молдан.
Ай Юван из людей реки Мосум,
Вот так я ездил, вот так я жил.
Белого зверя полную ношу
Много раз мне посчастливилось нести,
Красным зверем обвешенный пояс
Много раз я туго связывал.
Ай Юван из рода Молдан,
Ай Юван из людей реки Мосум,
Я правду вам рассказываю,
Я правду вам пою об этом.
Если летний день наступал,
Со скользким дном лодочку
Сразу в воду сталкивал.
Если летний день вышел жить,
Весло величиною с лопаты большого оленя-хора
Бросал в воду.
Ай Юван из рода Молдан,
В путь выхожу на лодке.
Ай Юван из людей реки Мосум,
На пешие тропы встаю.
Если день дождливым был,
Дождик меня мыл,
А путь я дальше вел.
Если день с ветром был,
Ветер мое тело обвевал,

Но путь мой не останавливал.
Мосум-реки множество притоков
Много мелкой рыбы мне дарили.
Мосум-реки водные ветви
Много радостей мне давали.
Теперь сажу среди хороших людей,
Я достойно об этом говорю.
Теперь среди родных людей
Я стою с добрым сердцем и пою.
Огнем и ветром обласканный Ай Юван,
Огнем и ветром согретый Ай Юван
Много рыбы добывал,
Много зверя добывал.
Земля моя реки Мосум
Дыхания моего дороже.
Вода моя реки Мосум
Сердца моего дороже.
Ай Юван из рода Молдан,
Ай Юван из людей реки Мосум,
Так я жил на свете,
Так я дни и ночи проводил.
Кай, дети, дети!
Кай, ребяташки, ребяташки!
Мои пути, дороги, что оставил за собой,
Их найдите, ищите.
Мои добрые руки проворного человека,
Кажется, силы потеряли.
Мои ноги храброго человека,
Кажется, скорость потеряли.
Множеством деревьев богаты леса Мосума.

Я в песне благодарю
Дни, которые мне бог подарил,
О них я пел сейчас.
Ай Юван из рода Молдан,
Ай Юван из людей реки Мосум,
Среди хороших мужчин нахожусь —
Вот как я прожил.
Среди хороших женщин нахожусь —
Вот как судьба меня поставила.
Дороже земли реки Мосум
Я не искал, да не знаю другого места такого.
Дороже воды реки Мосум
Нет, по-видимому, нигде.
Ай Юван из рода Молдан,
Ай Юван из людей реки Мосум,
Человек, подобный многим мужчинам,
Человек, подобный многим настоящим людям,
Вот так я и прожил,
Вот так я и проезжаю...

ТОЛЬКО Б ОЛЕНИ НА ЗЕМЛЕ ОСТАЛИСЬ...

Только б олени на Земле остались...
Тогда я буду знать, что осталась на Земле...
Олени, бегущие с пастбища вереницей, стадом...
Когда ты это увидишь,
Высоту радости и счастья тоже познаешь!
Олени, бегущие с пастбища вереницей,
Друг за другом, стадом,
Когда перед тобой появятся,
Какую красоту увидишь, сколько радости узнаешь!
Множество красивых с ветвистыми рогами оленей,
Как живой лес, задетый большим сильным ветром,
Красиво и быстро они бегут.
Множество благородных, с ветвистыми рогами оленей,
Как воды быстрой реки с сильными волнами,
Олени плавно бегут, как волны.
Длинна их вереница,
Края совсем не видно
Оленей, соединенных в стадо,
Как большая широко плетеная нить.
Вид бегущего оленьего стада подобен
Холмам, покрытым густыми лесами и снегом.
Бег оленя настолько красив,
Что делает нарту крылатой.
Эту живую красоту
Я вижу, и сердцу моему радостно.
Стук оленьих рогов, звуки
Упряжки из костей и металла — это песня,

Которая живет в моем сердце.
Во главе стада пестрый, большой олень Вуюв
Легко и красиво бежит.
Его рога похожи на упавшего кедра высохшие корни,
И каждая веточка рогов смотрится как украшение.
А он представляется высоким холмом,
Покрытым деревьями, снегом.
Вот какой мой олень, мой Вуюв!
На всю жизнь сердце впитало эту красоту.
Места не осталось для дыхания,
Тесно внутри от высокой красоты оленя.
Я стою в узорчатом белом сахе из неблюя.
Оленьи стада, просторная тундра —
Счастье мое, моя жизнь...
Сон ли мне снится?...
«Нет! Это детство тебе видится.
Пастбищные олени, длинная вереница стада...
Их следы давно заросли травой.
А ты стоишь на улице города,
Об оленях поешь», —
Я услышала голос отца.
И он тоже пошел с песней куда-то вперед.
«Жива ли я?» — подумала.
Сердце дернулось больно.
Грудь пронзило остриё.
Тогда я подумала:
«Только б олени на Земле остались...
Тогда я буду знать, что тоже живу на Земле,
И ханты тоже останутся жить на Земле».

ЯРАСЬ

Выйдет ли Ярась на тропу,
Выйдет ли Ярась на обласке, —
Всякий удачен у Ярася путь,
Видно, на прочном поводке
Держит Ярась счастье свое.
И по-хантыйски Ярась поет,
И по-русски судьбу славит.
Руки — хоть рыбу ловить, хоть прижать
Девушку к сердцу — на все горазды.
Карие очи,
О, как мне жаль,
К его душе непросто подняться,
Так высока и глубока она.
Может, на крылатой лодке
До него добраться?
Только боюсь, сердце Ярася
Уже забрала его суженая.

МОСКВА

Многих царей, многих духов святых
Золотая Москва!
Многих людей, многих святых
Железная Москва!
О тебе я пою,
О тебе речь веду.
Много золотых голов
Твоих церквей
Глядят на Торума,
Смотрят вверх.
По земле, по водам
Твое имя разносится,
Возносится всеми народами на Земле.
«Я живу в Москве» если услышишь —
Знай: ты в России живешь.
Знай: ты зашла в свой родной отчий дом.
Как ты мне дорог,
Мой город бесценный,
Мой город золотой.
Торум тебе разные дни посылал:
И побоища страшные,
И радости большие дни —
Было все на твоём пути.
Многое стало сказкой теперь.
Ты жила и живешь в сказочные, песенные дни,
Много их было, сменилось...
И хотя я не живу в Москве,
Тепло ее сердца

СЕМЬ ГОЛОВ СЕМИ СВЯТЫХ ХОЛМОВ

Посвящается Е.Д.Айпину

Высокий лес,
Подобно рогатому красивому оленю шею вытянув,
Предо мною стоит,
Плечи расправив, как величавый лось,
Предо мною стоит.
Святых холмов семь голов
Там живут, поживают,
Священных холмов семь голов
Сидят на своих местах,
Подошвами недобрых людей
Чуть было не стоптаны,
Под ноги женщин и мужчин
Чуть было не брошены.
Но богу подобные хорошие люди
Их заслонили, защитили.
Добрых людей хорошие руки
Обхватили, заключили в объятья.
Семь голов семи святым холмам
Зашевелились, ожили.
Ханты и манси семь духов
Вновь пошли вверх.
Рога подняв, высокий лес
Вновь задышал.
Плечи расправив, высокий лес

Вновь стал жить.
С нарами, застланными постелями, домик,
в нем я сижу.
С горячим огнем чувала домик,
Я в том домике стою...
Не молиться я пришла,
Жизнь свою продолжить.

ЕГО ВЫСОКОЕ СЛОВО

Н.И.Терешкину

По разным путям, тропинкам
Мои думы бегут:
Было ли так когда-то?
Жизнь из сплошных ночей состояла,
С детства не слышал и не знал
Ласковых слов: лишился рано отца и матери.
У сестры отцовой немного он пожил,
Потом велели ему уйти.
«Много лиха видел тогда,
Светлых дней не видел.
А на спину мне тяжелые чужие кулаки
Много раз падали», —
Закурил и надолго замолчал человек.
Потом снова заговорил другим
Голосом, спокойным, красивым:
«Это было много лет назад, все
Осталось позади,
Только душа об этом помнит
И слышу, как язык мне
Шепчет об этом иногда».
Рука Ленина нежно задела его голову,
И этому человеку показали
Жизнь, где можно день увидеть.
С тех пор у мужчины-ханты по-новому жизнь
Стала протекать.
Волосы на висках стали похожи на иней.

Сейчас он
Большим ученым стал,
Хантыйское слово высоко поднял.
Каждое его слово сильное и громкое.
Все ветви родного языка
Он сохранил для нас.

МУЖЧИНА ПРОЕХАЛ

*Посвящается моему отцу
К.Н.Вагатову*

Оставляя судьбины дорожки,
На полозьях по снегу скользит
Из причудливой крепкой лозы
Кузовок на шестнадцати ножках.
Кузовок этот нартой зовется,
Его мчат три азартных оленя.
Пролетают года, как мгновенья,
А красивый мужчина смеется.
Его путь бубенцами озвучен,
Что висят на трех шеях оленьих,
И в пургу их негромкое пенье
О дороге сигналил везучей.
Бубенцы хоть малы, но похожи
На пустые в пути котелки,
С чем охотники и рыбаки
Добрый промысел сытно итожат.
И летят трех азартных оленей
Сквозь снега горделивые рожки,
А за нартой взлетают дорожки
И теряются в туче весенней.
Едет быстро мужчина по долу,
Как вожак, от пути несвободный.
Борода в седине благородной,
Он по-прежнему смелый, веселый.

Пролетает по жизни упряжка —
У деревьев и там, где их нет,
Вожака не теряется след —
Как бы ни было вьюжно и тяжело.
Стал с мохнатой землею похожим
Долго ехавший тундрой мужчина.
Видно, в небо увозит седины
И приехать к нам в гости не сможет.
Проносся мимо нас его нарты,
Все без усталости мчатся олени.
В бубенцах отзывается пеньем
Много мужества, много азарта.

ВЕНГЕРСКИЕ ПЕСНИ

Еве Шмидт посвящается

Дочь другого народа из братской земли
Привезла нам добрые пожелания, приветы
От своего народа: песни, легенды, сказки.
Слышат их люди Оби, обской земли.
Хантыйских мелодий звуки и слов тепло
В венгерской песне, в речи девушки.
Мелодия песни
Задела нити сердца, стала близка, как песня деда,
Мы услышали звуки песен родного народа...
Правда, легенды и песни много тайн сохранили.
Предки венгров, манси и ханты,
По разным веткам жизненной дороги пошли.
Только твердо знаю я теперь,
Что пели песню мы одну, гнездо у нас было одно.

НА РАКЕТЕ

Посреди тайги и лета
Лебединые крыла —
Нас несущая «Ракета»
Над водой приподняла.
Очень ветрено, но брызги
Строки чертят за окном:
Нынче плыть — ни доли риска,
Ведь «Ракета» — тоже дом.
Мы на обласах ходили,
В лодках утлых на гребях.
Обожаем, чтим как диво,
Белокрылая, тебя.
Ближе к отчему порогу —
Дольше день и ночь светлей.
Широка моя дорога
По родной земле моей.

Я УШЕЛ НА ВОЕННУЮ ДОРОГУ

Посвящается невернувшимся с войны

Я ушел на военную дорогу,
Я встал на военную дорогу.
Жена милая моя из Осьоланг,
Подруга милая моя из Осьоланг,
Маленького Екора — сына
Тебе оставляю.
Моего сына — маленького Екора
Ты вырасти.
Может, мое здоровье, красота и молодость
На поле боя останутся.
Только слово мое помни и
Знай,
Только слово мое не забывай,
Прощу.
Сердце мое тебе оставляю,
Кровь свою горячую тебе вливаю,
Всего себя тебе отдаю.
Не ищи другого друга,
Не находи другого мужа,
Маленького Екора,
Сына моего, вырасти.
Пути, которые я проходил,
Пусть он тоже пройдет.
Пояс тугой хорошего человека
Пусть и его украсит.
Пути, богатые рыбой,
Пусть научится находить.
Пути, богатые зверем,
Пусть ему не будет трудно пройти.

Я — ЖЕНЩИНА, ПОДОБНАЯ ДЛИННОХВОСТОЙ ЛИСИЦЕ

(По мотивам хантыйской песни)

Я — женщина, подобная длиннохвостой лисице,
Я — женщина, подобная пушистохвостой лисице,
Мое лицо овеяно весенним ветром,
Лицо мое овеяно осенним ветром.
Вот такое у меня лицо.
Я выгляжу красивой, сильной и умелой.
Опнась меня далеко нашел, долго меня искал.
Я — женщина, подобная длиннохвостой лисице,
Я — женщина, подобная пушистохвостой лисице.
Семь соров обойду,
Семь болот объеду.
Опнась, ты мне не ровня по силе и сноровке,
Хотя ты и мужчина.
Опнась, ты не сможешь столько дорог и путей пройти,
У тебя не хватит ни умения, ни скорости.
Я — женщина, подобная длиннохвостой лисице,
Я — женщина, подобная пушистохвостой лисице.
Где силы не хватает, хитрость в ход пущу,
Где ума не хватает, ловкость в ход пущу.
Вот какая женщина я на свете живу,
Подобная длиннохвостой лисице,
Вот какая я выросла на этой земле и живу,
Словно пушистохвостая лисица.

ХВАСТУН

Как сорока, скок да скок —
Даже клюв от скока взмок.
Сбоку на бок голова,
Все сорит, сорит слова...

Хватит, хватит людям врать,
Уж давно пора понять,
Как береста в лютый год,
Лопнешь вдруг, а кто доверт?

Ложь, как тот худой олень,
Мчит, бывает, целый день,
Упадет, и не поднимешь.
Вот беда!

ЧЕЛОВЕК ВЫСОТОЮ ВЗЛЕТЕВШЕЙ ПТИЦЫ

Ю.Н.Шесталову

Человек высотой взлетевшей птицы —
Таким я вырос.
Высоко поднявшейся ввысь птицы
Полета я достиг.
Отец мой не видел этот след,
Я в тот след попал, нашел.
Мать моя не знала начала этой дороги,
Я ту дорогу встретил.
Там дочери и сыновья народов тундры живут.
Речки в Обь текут, сливаются,
В тундре множество кочек красным мхом покрылись.
Мансийской женщины высокий сын,
Мансийской женщиной в люльку положенный сын,
Ветвистым рогам подобны мои мысли, думы,
Пусть во все стороны бегут.
Кудрявой головы множество волос — мои мысли, думы,
Пусть во все стороны вьются и бегут.
В моем народе живущие дорогие слова
Сквозь святые слезы выпускаю.
Человеком высотой взлетевшей птицы
Я вырос.
До высоты полета крылатого зверя
Я — мужчина — взлетел.

ТОЛЬКО Б СЧАСТЬЕ БЫЛО!

Как вечерняя заря,
Гаснет этот год, уходит из нашей жизни.
Будем помнить мы его.
Он не был сном —
Был живой жизнью нашей!
Не уйдет из наших душ, из наших мыслей!
Как восходит утренняя заря,
Так и всходит новый год!
Пусть светится золотой звездой —
Его время пришло.
Пусть всему миру он будет виден!
Сердцу крепость пусть даст!
Проснись быстрее, утренняя звезда!
Новый год пусть счастье принесет!
В Новом году только б счастье было!

ПРИШЛА ВЕСНА

Пятиаршинным темным льдом
Обледеневшие воды рек
Дышать не могут —
Им нужна весна всесильная.
Красавица из сказки — девица прекрасная,
Светлолицая весна,
Приходи скорее землю украшать,
Нам радость, веселье и счастье принеси!
Черный лед, застывший за зиму,
Попался на жаркий зуб Солнца —
И водою став, расплылся по земле
Во все стороны с радостным смехом.
Звуки радости слились с песней ханты.
Святящаяся солнечная весна
Оживила земли, воды,
Птички стали петь!
У девушки на пальце кольцо.
В ее сердце тоже пришла весна —
В душе у нее любимый парень.
И в нашей жизни весна,
Тепла ее хватает на всех.

МУЗЫКА МОЕЙ ЗЕМЛИ

Со свистом и воем бушует буран,
Как на празднике старый колдун.
Дым снежный вихрится вокруг...
Даже берег Оби исчез, ушел из глаз.
— Не выйдут люди в дорогу! —
Крикнул полный холода и мороза Север.
— Со мной не старайся мерить силы,
Я чувствую силы в себе,
Готов с тобой потягаться, —
Сказал в ответ человек.
Мерный, сильный, звенящий стук рыбацкой пешни,
Оленей зовущая песня,
Грохот буровых...
Слышит Север музыку песен, мелодии моей земли,
Сердце Севера растворилось
В тепле человеческой души.
Это тепло по просторам Оби
Течет нефтью и газом — молоком и дыханием земли.

МОЙ МАЛЕНЬКИЙ БЕЛОНОГИЙ ОЛЕНЬ

Мой маленький олень
С белыми ногами
Пусть стоит и лед грызет,
Пусть стоит и снег сосет.
Я был бедным человеком,
Мужчиной без силы жизни.
Еду себе
С трудом я находил.
Если вечер наступит,
Шкуру ветхую, без шерстинки,
Под себя стелю,
Если день наступит — на нарту
Кину, чтоб на нее сесть...
Сейчас в другой мир, в другой свет
Я попал, другой жизнью живу.
Полны мои дом и лабаз едой и одеждой.
В сердце радость.
Много белоногих оленей
Мой народ вырастил,
Много быстроногих оленей
Мой народ пасет.

КРАСКИ РАЙШЕВА

В его сердце краски светятся...
В них отражена святая дорогая Земля.
Все цвета радуг — яркие полосы —
По нитям крови текут.
Каждый след его кисти
Имеет свой звук, свою мелодию,
Они наполняют сердце каждого человека.
В сердце Райшева светятся краски!
В глазах у него — дорогая святая Земля!
Смотри, вот какого Человека-духа
Нам послали.
Я молюсь, буду молиться
Светлому Торуму,
Чтобы век Райшева долог был,
Чтобы радость и счастье
Он мне дарил.
Там, где играют его краски,
Святые места моей жизни.
Краски Райшева!
Сколько смотрю — столько и радуюсь,
И настолько мне тепло,
Что в сердце входит сила.
Пусть не блекнет цвет красок,
Пусть не смоем их с Земли,
С моей души.
В сердце Райшева звезда горит —
Она видна всему миру!

МОЯ ТУНДРА

Знаю, помню, тундра, твою душу и сердце.

Вижу твое лицо и тело — лето.

Смотрю на твои украшения:

Кусты карликовых березок — это ожерелья,

Мягкая нежная поросль молодых трав —

Твое одеяние.

Словно жених, высокая единственная сосна

Оглядывает пространство тундры,

Слегка улыбаясь,

Ищет свою судьбу — любимую.

Голубые озера, красные кочки мха —

Все это моим глазам дивная радость.

Там отцовской нарты след на моем сердце пишет

Заветные слова,

Думы мои обретают крылья.

Кровь делается густой, как красный мох моей тундры.

Нутро становится горячим и красивым, как ты,

моя тундра.

Я не буду ползать по земле,

Превращусь в птицу, которая улетает на зиму,

а гнездится здесь.

Каждый год буду прилетать к тебе,

Чтоб набираться снова силы и красоты.

С СОЛНЦЕМ, В СТОРОНУ СОЛНЦА!

В жизни много ветвей, развилок...
Их найти помогут люди.
А куда мне идти, по какой из дорог
Повести мою жизнь?
Какую из веток дорог, поворотов мне выбрать?
Земля, как муравейник весной,
Нет покоя.
Вижу площади, заполненные людьми...
Все куда-то собираются, готовят нарты,
Повозки, поезда, лодки.
Вижу: добрые думы люди выбрали,
Добрые дела хотят делать.
Но тут же и зло, грязь
Прячут другие.
Они рвут сердца моих людей,
Травят их души.
Мне больно это видеть,
Трудно жить со всем этим.
Знаю, надо мной высоко Светлый Торум!
Знаю, светит золотое Солнце!
Там ищу правду жизни!
Там ищу высокие думы!
Оттуда прошу силы для жизни!
Вдруг сердцу стало легче,
Трудности отступили разом,
Сердце раскрылось.
Это Ельцин в сторону Солнца
Направил свой духовный посох.

Моя грю, полотно ветряной птицы
лыло в сторону Торума...
Значит куда моя дорога жизни идет!
Значит в эту сторону должна идти моя жизнь!
Смысл почему народу надо туда же попасть,
Э.э, ханты, я хотела вам сказать.

МОЕ СЛОВО, МОЙ ЯЗЫК

Если б слово свое я не слышала,
Если б язык свой не знала,
Кто бы меня услышал?
Как бы я на Земле прожила?
Каждая веточка моего языка —
Это моего народа святой звук.
Каждый корешок моего слова —
Крепко связан с нитями сердца.
Если бы я слово свое не слышала,
Если б язык свой не знала,
Кто бы меня услышал?
Как бы я на Земле жила?

СОЛДАТ ИЗ КАМНЯ

С зелеными листьями живой лес
Солдату из камня стал домом,
Солнце для него стало костром,
Голубое небо — крышей.
Горячую кровь, пролитую солдатом,
Впитала Мать-Земля.
Живое сердце, которое билось в груди солдата,
Народ спрятал в своем сердце от врагов.
Они не смогли его убить.
Оттого на земле больше света стало,
Оттого в каждом сердце он живет
И превращается в радость и тепло,
Оттого и тает лед каждой весной.
Жизнь, что солдат отстоял,
Стала течением весенней воды,
В этом течении и плеске воды
Я всегда слышу песни солдата и его слова:
«Вы ведь тоже солдаты,
Живите красиво, мужественно,
Не жалейте сердца и силы,
Дыхания и крови,
Если это надо народу и Земле.
Человек бессмертен, его кровью
Земля жива, цветы цветут, жизнь дышит.
Человек растет,
Народ по прямой широкой дороге идет.
И хоть я и стал солдатом из камня теперь,
Я жив, народ мне век камня определил!»

С зелеными листьями живой лес
Солдату из камня стал домом,
Солнце для него стало костром,
Голубое небо — крышей.
На Земле светится его горячее сердце —
В нем тепла больше, чем у Солнца.

СЧАСТЬЕ ТЕПЕРЬ НАШЛА

Сверху снежинки сыплются...
Иду по городу Ленина.
Кружатся мои мысли.
Душа нежно, легко поет.
А иногда настолько тесно мыслям во мне, что
Из глаз моих выходят светлые капли воды.
В этих слезах нет беды, горя —
Там светится радостная моя Земля.
Я хочу всем людям сказать,
Как за годы нового века
Хантыйская женщина счастье нашла,
А горе и беды позади остались.
Оттого ее руки еще проворнее стали!
Оттого она лицо свое совсем открыла!
Оттого в ее сердце радость живет,
Душа заполнена чудесными делами!

ПУСТЬ ЖИВЕТ НА ЗЕМЛЕ ДУХ ДРУЖБЫ

Вокруг витает дружеская жизнь,
Хотя живем мы в самых разных землях,
Говорим на разных языках,
Но мы сердцами тянемся друг к другу,
И держат нас
Невидимые нити.
Лишь вместе зло мы сможем отвести,
Когда народы дружбе цену узнают,
То за нее держаться будут крепко...
Со сказочных времен
Живем мы на одной Земле,
Пьем воду одну.
Светлый Торум тоже один.
Пусть царит на Земле дружба,
Хоть говорим на разных языках.

ПРАЗДНИК МАЯ

Подобно девушке в красивом цветастом платке
Пришла, явилась на Землю красавица Май,
Принесла нам теплое дыхание Солнца.
Земля сразу надела светлый зеленый наряд.
Ты, Май, подобна невесте, на тебе ее наряд.
Радостно от твоего прихода всем людям Земли.
Они здороваются, друг другу добра желают.
Свои косы, Май, сплетенные из ветвей и цветов черемухи,
Покажи, побудь с нами.
Как живет моя Земля, как жизнь моя идет,
Донеси до всех сердец народов мира.
Знаю душу твою, дорогая девушка-Май!
На Землю принесла ты важную весть:
Как Солнце делит свет на Земле,
Так и нам, людям, во все времена нужно
Жить дружно и делиться щедро радостью.

ЕШАК ЯМ НЭ*

Хорошо помню, как отец
Мне сказал однажды:
— По-другому светится жизнь Оби,
Ленин правду сказал.
Поведу тебя к русской женщине,
Пусть она покажет,
Откуда дорогу жизни начать,
Куда она пойдет.
С того времени силой русской женщины
Я поняла, какие дела имеют силу жизни,
Спасибо, Ешак ям нэ,
Такое имя тебе мое сердце дало.

*Ешак ям нэ — обращение к самой доброй, мудрой женщине.

ОРДЕН ЛЕНИНА

Земля нарядилась в узорчатое одеяние,
Искрятся вдали разноцветные шелка.
С дорогим образом Ленина орден
На ветряном полотнище сверкает.
Подобное было ли когда-то?
Высокими столбами отмеченные места
Выхода «черного золота» земли
Стоят, как гымги*, и смотрят вершинами вверх.
Они, как указатели троп и путей,
Показывают дорогу жизни вперед, ввысь.
Посмотрите кругом, подумайте.
На груди народа орден Ленина
Сияет за высокий труд...
Будут знать и помнить об этом потомки.

*Гымга — ловушка для рыбы в форме конуса.

НОВЫЙ ГОД

Дорога нашей жизни
Не похожа на гладко выструганную доску —
Это знают все люди.
Новый год — всегда шаг вперед.
Оставляя года, мы строим дорогу,
Оставляя года, мы копим ум.
Зная это, женщины и мужчины
Каждый раз ждут его.
И вот Новый год на Землю пришел!
Пусть удача на водных путях тебе будет!
Пусть удача в лесу тебя ждет!
Пусть женщинам и мужчинам,
Старым и молодым,
Счастье принесет!
Так мое сердце желает.
Руками народа много добрых дел
В ушедшем году сделано.
Приходи скорее, Новый год!
Тебя тоже радость ждет!

РЫБАКИ

Ханты встали раньше солнца —
Летом ночи нету,
И, потягиваясь сонно,
Обь влезала в невод.
Как ее светилась шея,
Колыхался невод!
Обь роняла украшенья
Осетров и нельм.
Волочились, будто бревна,
Щуки и налимы,
Стерлядь шла легко и ровно
Желтого налива.
Руки сильные у ханты.
Тонь к концу. И ловко
Круг на круге, как арканы,
На песке — веревка.
Бьет шурят зеленый ливень
По рыбачьей жажде.
Что улов идет великий,
Сердцем чует каждый.
Притонили,
Обь вздохнула
Мягко, с облегченьем,
Листья солнца протянулись
К людям по теченью.

УТРО НА ОБИ

Золотое лицо безмятежная тронет улыбка,
И согреется Север, как ранний рыбак у костра.
Вышло солнце на Обь,
Чей, скажите, там, верткий, как рыбка,
Обласок выплывает из синих и розовых трав?
Золотое лицо наклонилось к реке, окунулось.
Это стерлядь идет иль жемчужный осетр заблестел?
Княженика проснулась, и нежная пихта проснулась,
Жирный селезень трудно, как брошенный камень, летел.
Этот берег!
Милее на свете не сыщешь!
Здесь красавицы полог, дразнящий, на самом виду!
Ах ты, горе-рыбак!
Ты садись на смоленое днище,
И гляди на всходящую утром, на лукавую эту звезду.
Нет, не зря у моторов
Рыбачьи хантыйские песни
Бесконечны, как Обь, где сулит богатейший улов
И ручей, и проточка, и сор, и протяжное плесо...
Хорошо по утрам на Оби, хорошо, нету слов.

ПОЛЕТ...

Хантыйская сказка сказывала,
Что на небе Торума дом.
Сказка эта сказывала еще,
Что у Отца Торума есть лодка.
Вверх я, хантыйская женщина, полетела.
Над облаком голубой океан,
Головы облаков — это город Торума.
Я лечу учиться в Москву.
Смотрю вниз: туман и дым.
Крылатая лодка оказалась очень быстрой!
По скорости и силе может потягаться с моими мыслями.
Вот я увидела дым городских очагов!

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Давненько до нашей жизни
Был Октябрь на земле.
Говорят, люди услышали слово Ленина
И выстрел «Авроры».
Еще говорят, чуть не погасший
Северный костер жизни
Разжегся от выстрела «Авроры».
Стал костер большим и светлым,
Его тепло и свет разлились по жизни.
Прежняя темная жизнь
Стала светлой.

БОЛЬШОЙ МУЖЧИНА ИСТОМИН

Он высокий, как лес, мужчина,
С силой большого лесного зверя человек.
Много сказочных троп сказочных людей
Он пешком прошел, проходил.
В сноровке и играх сказочных героев
Он себя проявлял, делал чудеса.
Всех людей его Земли
Он в друзья посвятил, друзьями сделал.
Людей со всех Вод
В братья себе взял, сделал братьями.
Свое дорогое сердце
Им без остатка отдал, подарил.
Свои ветвистые думы, мысли
В их думы, в их мысли впитал, соединил.
Большой Истомин, великий человек
У нас есть, мы гордимся им.
Истомин духом крепкий, как Земля,
Это он такой, днями живет, проживает.
Человек он такой есть, ночами проживает.

ХЕТТА

Тундра по реке Хетта — моя земля,
Тундра по реке Хетта — мое место,
Мне принадлежат воды и земли.
Здесь живет мое сердце,
Здесь я на свет родилась.
Олени там пасутся. Следы их ног
Украшением пастбища стали.
Полозьями нарт красуется Земля.
Редких деревьев каждая ветка
На красивые рога оленей похожа —
Все это вены моего сердца.
Как я могу их забыть!
Как я могу жить без этой земли и воды!
Здесь я девушкой-птицей стала,
Здесь земля мне сына подарила.
Мать мне эту землю завещала.
Отец велел беречь мне эти воды.
Тундра — живой ковер с глазами и сердцем.
Кровь живая красным мхом
Течет по тундре, дышит, цветет.
Все это впиталось в меня,
Из этого моя жизнь силы берет.
Тундра по реке Хетта — моя земля,
Тундра по реке Хетта — мое место,
Там живет мое сердце.
Там я на глаза людям впервые попалась.

СТАРЫЙ МУРАВЕЙНИК

Старый, заброшенный муравейник
Подобен старой заброшенной юрте.
Вершина муравейника распалась и упала,
Стал он похож на старый дом с
Провалившейся крышей.
Нет поблизости ни одного муравья,
Только их ходы, словно живые нервы, сплетены
Вокруг муравейника.
Мне кажется, что это затянувшиеся мхом и травой
Пешие тропы
Охотников и рыбаков, идущих к старой юрте
И ведущих людей в леса и в воды за добычей...
Сколько хвои, сколько серы
Муравьи собрали сюда!
Сколько раз всем муравьиным миром
Надо было по этим ходам ходить,
Сколько сил и труда надо было,
Чтобы все это собрать и сделать дом муравьям.
Вижу снова труд людей — предков,
Сколько надо было иметь силы в руках и ногах,
Чтобы строить дом жизни...
Листья, хвоя и кора деревьев, сера...
Никому сейчас здесь не нужны,
Гниют здесь напрасно, без пользы.
Я не могу ни о чем думать,
Будто близкий человек ушел из жизни навсегда.
Старый муравейник — заброшенная юрта,
Хвоя, листья, кора деревьев и сера —
Старые вещи народа ханты.
Очень больно сердцу.
Вижу площадки, где дети играли,
Громкий смех и детские голоса

Дразнили эхо в лесу.
Вот и сосна. Через ее сильный и толстый сук
Была переброшена веревка,
На которой качались дети —
И этот сук как бы качал детей.
...Вижу места, где старые ханты мастерили из дерева,
Корней, серы свои прекрасные, нужные для жизни вещи
С помощью топора и ножа.
Узнаю эти заветные места по почерневшим щепкам
и стружкам,
Здесь весла, лодки делали,
Плели морды, обрабатывали корни деревьев, из них
Делали прочные нити для сшивания частей лодок,
Домашней утвари.
Высокая нарта с листовенничными ножками
Вот-вот помчится ввысь.
Нарта для невесты с двадцатью шестью ножками
В образе журавля вперед бежит...
Все это я вижу,
Хотя никто уже не делает их, и их тут не было.
Старый заброшенный муравейник,
Зачем ты попался мне на глаза?
Может, и правда, что-то есть в тебе
Похожее на судьбу моих заброшенных юрт?
Потому ты больно задел мое сердце,
Как будто всегда был частью моей крови.
Хоть и радостей много у меня,
Не пойму, почему сердце не радуется тому,
О чем ты мне рассказал,
Старый, заброшенный муравейник...
Слезы прощальные, вода моей крови, пролились
На старый муравейник,
На след заброшенной юрты
И ушли в землю, впитались в нее.

СЛОВО ДЕДА

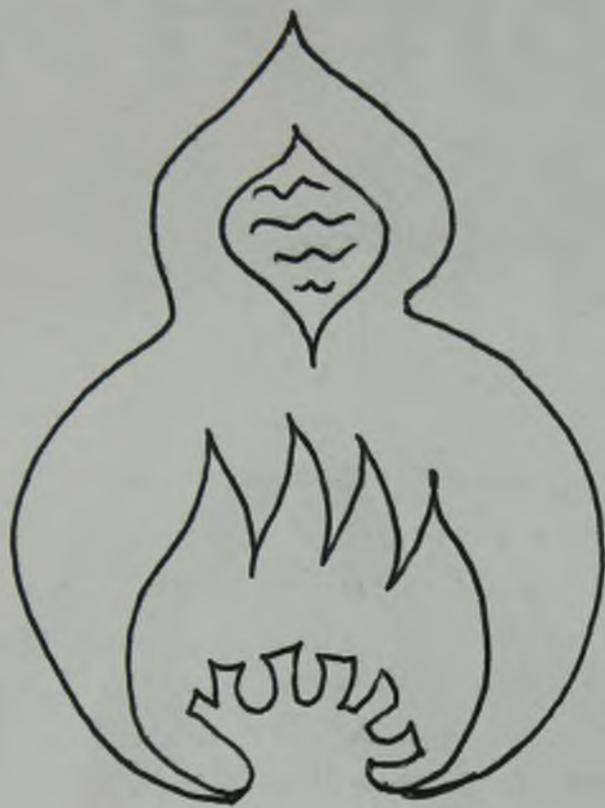
Дед размышляет: силы немного.
Видно, от старости не убежишь.
Не успевают слабые ноги
И отстают от скользких лыж.

Сколько мехов преподнес Отчизне,
Чтобы красивее всех была.
Сколько оленей!
С совестью чистой
Ты на свои оглянулся дела.

Люди в твой дом, как к родному, заходят:
То посоветуй, то рассуди.
Ну, а вчера на собраньи колхозном
Дружно сказали: на отдых иди.

Пенсия будет.
О добрые дети!
Пенсия — что за питье, за еда?
Дед мой бывалый не слышал про это,
Да и отец не видал никогда.

Вот ты какая, страна Россия,
Помнишь мой труд, мной дорожишь.

ЛЕГЕНДЫ И СКАЗКИ

О ЛЕГЕНДАХ

В основе легенд всегда есть факт, событие, происшествие. Рассказывают их, чтобы дать наказ, поучить чему-то. Начинаются они почти всегда с таких слов: «Когда-то вот что было...»; «Оказывается, вот что однажды случилось...» В памяти хантыйского народа много легенд, они не все записаны, живут в живом языке, положены в основу традиций, обычаев...

Вот некоторые легенды народа ханты об Огне — Тут Ими.

У ЖЕНЩИНЫ ОГНЯ БЫЛО ДВА ГЛАЗА...

Оказывается, у Тут Ими — Женщины Огня — было два глаза. Огонь сейчас выше ста духов, ста святых, а тогда он еще сильнее был. Все люди относились к нему с большим почтением, только нашелся непослушный внук у одной бабушки. Бабушка учила его: «С огнем не играй, ничем острым тыкать в Тут Ими нельзя, ей больно, она обидится...» Но внук не стал слушать бабушку, продолжал обижать святую Тут Ими. Он взял острую палочку, стал тыкать в огонь и попал Тут Ими в глаз — он и лопнул. Это было давно, с тех пор у Тут Ими один глаз, и нужно беречь его больше, чем свой глаз, потому что без Тут Ими невозможно жить.

ОГОНЬ НАДО ЧТИТЬ...

Когда-то вот какой случай был. Жили две женщины в разных семьях, у каждой были дети. В одной семье никогда не забывали думать и заботиться об Огне и его доме — чувале, печке, костровище. Вещи все убираются, чистятся, люди молятся. Женщина всегда готовила пищу для Огня: смолистые щепки, стружки, сухую бересту.

Она в любую погоду могла развести Огонь, он отвечал добром, теплом, радостью и нежностью. Другая же женщина, не знает, где она родилась, кто ее мать была, совершенно не заботилась об Огне. Если дрова были сырыми и Огонь не разжигался, она ругалась, могла оскорбить его. Однажды она со своей семьей оказалась в пути, холодная темная ночь застала их. Решили ночевать. Огонь ни за что не разжигался, а она продолжала ругать его. Женщина пробовала менять место, думала: в другом месте можно развести костер. Так Огонь нигде не разжигается. Когда пришла женщина в отчаяние, вот-вот застынут все: она, дети, муж, Огонь заговорил: «Вот что, если ты отдашь мне самого маленького ребенка с люлькой, тогда я разожгусь, а иначе — никогда тебя греть не буду». Женщина вынуждена была отдать ребенка с люлькой Тут Ими. Это было тоже очень давно, таких женщин уже нет. И вот что надо помнить: Огонь чтите больше самого близкого человека, одаривайте, заботьтесь о нем.

С Огнем связано очень много легенд, в жизни народ ханты с Огнем, как с человеком, разговаривает, молится, одаривает, кормит. Это правда.

ОКУРИВАНИЕ

Окуривание — это изгнание злых духов, вселение добрых духов в дом. Оно производится с помощью Огня, дыма чаги, веток и коры пихты, осины, кусочков меха водных зверей (тюленя, выдры, ондатры, бобра). Используется то свойство, что вода не пристает к ним, а лишь омывает, сбегает с них, поэтому их дымом и запахом окуривается дом. Человек, который проводит окуривание, окуривает прежде себя, а потом обходит дом по ходу солнца, начиная от дверей. В роду, семье свои слова обращения, но смысл один: изгнание зла, созыв и вселение в дом добрых духов. Окуривание проводится по-разному в зависимости от ситуации, конкретного случая, события и от его значимости.

Во время медвежьего игрища окуривают помещение, вещи, самих участников, еду, питье... Используют чагу, пихтовую кору, ветки.

Чтобы вылечить больного, к окуривающим средствам могут добавляться кусочки шкурки водных зверей, а иногда кусочки лап лисы, соболя, белки. Здесь используются свойства острых и цепких когтей. В зависимости от средств, выбранных для окуривания, выбираются и слова молитвы.

Молитва при окурировании, очищении жилища начинается в некоторых семьях, родах так:

Лымат, химат,*
Все нечистые духи, злые духи,
Выходите, выходите.
Добрые духи, оставайтесь,
Займите самые заветные места:
Углы в нашем доме, жилище.
Для вас всегда есть место у нас,
Детей наших берегите,
Спасите от бед и несчастий,
Заслоните полкой саха,
Прикройте рукавом гуся.
Множество крылатых духов —
Всевидящих, всеслышащих,
Множество ножных духов —
Всевидящих, всеслышащих,
Поселитесь.
Если вас не будет, то и жизнь наша
Неизвестно куда и как пойдет.
Вы жизнь продляющие,
От вас молим детям светлую жизнь...

Таких молитв много, в каждой семье у них могут быть свои слова.

* Эти слова не переводятся, имеется в виду все нечистое, злое и дурное.

ПРИМЕТЫ

Природа, окружающая среда и человек, его жизнь всегда едины. За тысячелетия выработались различные приметы, связанные с состоянием природы, ее явлениями, которые помогают хантам ориентироваться в жизни, предсказывают события, подсказывают, какие меры нужно принять, чтобы выжить, если это плохие приметы. Приметы передавались из поколения в поколение как жизненно необходимый материал, они помогали избежать непредвиденных обстоятельств и ситуаций.

Были специальные люди (в литературе их называют шаманами), сами ханты зовут их сяртъёх, из их среды выделялись энергетически сильные люди, которые много знали о явлениях природы, ветрах, осадках, состояниях воды, о жизни деревьев... Они умели «разговаривать» с Огнем, следили за движением Звезд, Солнца и Луны, поведением птиц, зверей, насекомых, понимали и знали психологию и физиологию людей, возрастные особенности и поведение детей: влияние на них всех окружающих факторов. Важнейшее значение в их деятельности имели предметы ритуального назначения и освященные предметы быта, которыми пользовались сяртъёх: топоры, ножны, ножи, луки и стрелы, лодки и нарты, точила, бубен, упряжь, тынзян, украшения, комплекты одежды для проведения различных ритуалов, праздников (шапки, рукавицы, мужские и женские халаты, малицы, порха — расшитый узорами гусь из неблюя, платки, мужские ремни, женские пояса, кисы, плетеные завязки. Особо надо выделить вместилища и

хранилища духов и их образов, изображений: хинты, йингалы, ящики, коробки, мешочки...

Благодаря таким особым людям и проводимым ими ритуалам, гаданиям, на основе сделанных ими выводов и обобщений, вырабатывались многовековые приметы.

Приметы, знакомые с детства

Если вода в реке, в озере потемнела, берега «сблизились» — быть непогоде, ненастью.

Если река или озеро «раскрываются», расширяются, вода спокойная, светлая — будет стоять хорошая погода.

Если радуга концами уходит в сушу, дожди перестанут лить, прояснится, будет ясная погода. Если же радуга концами уходит в воду: в озеро, в реку — будут длительные, проливные дожди.

Если на небе полыхают красно-оранжевые полосы при заходе солнца, завтра будет ветреный день или непогода: зимой — буран, летом — дождь с ветром.

Если дерево падает на глазах у людей, то кто-то умрет.

Если услышишь голос, шаги кого-то из родных в его отсутствие, то его душа уже отделяется. Мужчина после этого живет пять лет, женщина — четыре года.

Если птичка неожиданно подлетает к человеку, садится у окна или на дорогу перед человеком несколько раз садится — это к плохой вести.

Увидеть в полете стаю гусей, лебедей, особенно осенью — значит встретить их и весной, это примета жизни.

Если пришло время отлета птиц, а человек ни разу не увидел стаю гусей, лебедей, улетающих на юг, то ханты говорят: «Неужели это моя последняя зима!»

Если листья деревьев дружно пожелтели и быстро опали, осень будет короткая, а если листья пожелтели, но не опадают долго, а снег уже выпал, то осень будет очень долгой.

Если снег выпал на желтую землю (без сильных заморозков) и больше не растаял, то в этом году будут болеть люди, звери, насекомые, словом, все живое будет болеть.

Если смотреть на Солнце, то увидишь в центре круг. Этот круг одним видится красным, другим синим, третьим — зеленым и т.д. Все цвета этого круга читаются. Синий, коричневый, фиолетовый цвета означают, что будет несчастье, неудача, болезнь, смерть... Очень хорошо, когда этот круг зеленый, зелено-голубой, красно-оранжевый...

Если диск вечернего, заходящего Солнца огненно-красный — это к войне.

Если собака ест зеленую травку — погода переменится.

Если собака покатится на задних лапах, ждите неприятностей или кто-то сильно заболит, а может, и умрет.

Смотреть вдаль, увидеть невидимое. Для этого нужно в темном месте лечь вниз лицом, сильно закрыть веки, а взгляд мысленно направить вдаль, туда, где что-то нужно увидеть. Например, нарты, упряжки оленей, людей, которые находятся в дальнем пути или в какой-

то опасности. Если призвать на помощь своих домашних, родовых духов, обратиться к Земле, человек может все-все увидеть.

Можно «разговаривать» с деревьями, используя то, что корни деревьев уходят в Землю, вершина смотрит в Небо, ствол, ветки «осматривают» все вокруг. Дерево в курсе всех явлений Земли, Неба, Пространства. Нужно очень попросить дерево, и оно даст «ответ» — движением верхушки, веток. Например, нет долго никаких известий от родных, детей. Человек выбирает дерево, которое находится в укрытии от ветра, рассказывает, что его тревожит, помолится и ждет. Ответ обязательно будет.

Можно «разговаривать» с Водой. Вода в человеке, на Земле, под Землей, в Небе. Ханты всегда чувствуют единство. Можно налить Воду в какой-нибудь сосуд: ковш, берестяной кукар, посуда должна быть чистой (святой). Опять призываются духи, читается молитва о Воде, где ее называют вездесущей, везденаходящейся, всезнающей. Затем задают вопросы. Для получения ответа надо поднять посуду с водой. Если посуда с водой тяжелая, то ответ — отрицательный, если легкая — утвердительный.

Если Солнце и Луна в молочно-белых кругах — это к снегу.

Если Солнце при заходе краснеет, краснота занимает все небо — это к сильным ветрам, к ненастью, к бурнам.

Если Солнце юхлы вантл — смотрит обратно — то есть Солнце заходит, а противоположная сторона неба

освещается лучами или лучи проникают в окно и освещают противоположную закату сторону — это к ненастью, непогоде.

Очень внимательно ханты наблюдают за ветрами и знают, что приносит ветер с каждой стороны, и соответственно строят свою жизнь.

Вихрь ханты называют сыном ветра — Вотпух. Если вихрь крутится долго около человека или «наскочит» навстречу или сзади и вихрит у ног, то это он дает знать о какой-то опасности, связанной с жизнью и смертью. Обычно ханты бросают нож, топор, стрелу вихрю, и если эти предметы не находятся, то просто поругают: «Что тебе? Другого пути нет!», «Что тебе от меня надо, убирайся!» С вихрем связывают то, что он уносит от человека время жизни.

О СВЯТОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ВОЛОС И НОГТЕЙ

С раннего детства ребенок ханты знает этот обычай. Волосы нельзя бросать как попало, куда попало, а надо каждый волос собрать и сжечь — отдать женщине-Огню. Иначе поступают с ногтями. Ногти на руках нужно состричь и тут же спрятать в одежду, ногти на ногах — в обувь.

Волосы и ногти нельзя стричь вечером. Эти правила заведены издревле, нарушать их не позволено. По этому поводу есть легенда.

...Волосы растут на голове человека, так же как у оленя и лося — рога. Они украшают голову, жизнь че-

ловека делают красивой, таким рождается человек, таким Бог посылает его жить, таким велено быть человеку Святой Матерью. Волосы даны человеку, они являются частью его тела, души, потому тоже святые, живые. Ногти тоже часть тела и души и даны Богом и Святой Матерью. Вот почему надо дорожить ими, нельзя бросать ни один волос. Ногти тоже нужно стричь с соблюдением обычая, и только днем.

Говорят, очень давно жил один человек. Волос, где выпадет, там и оставит, там и бросит. Ему все равно, когда стричь волосы, будь то ночь, вечер, день или утро — все равно. Старшие люди ему говорили не раз: «Почему ты так живешь!? Нельзя волосы и ногти бросать». Никакого внимания не стоили эти советы для него, делал все по-своему, жил против обычая. Как жил, так и дальше живет. Слова старших не имели силы для него. Долго ли жил, мало ли жил, пришла пора этому человеку умирать. Вот какое большое дело случилось: не может никак умереть! Сколько мучений перенес, сколько горя пришлось пережить, но дальше начались самые большие муки. У этого человека мясо кончилось, зашало, кости сгнили, но он все не умирает. Между двумя землями, между двумя водами мучается. Что делать? Позвали Сяртты Ханнэхо — всевидящего, всезнающего, всеугадывающего человека. Он-то и сказал после камлания, что, оказывается, смерть этого человека застряла в заброшенных волосах и ногтях. Надо найти все волосы, все ногти, которые ему были даны как часть тела и души, иначе его не берут на тот свет, и на этом свете тоже нельзя жить, его время кончилось. Где он их

теперь возьмет!? Кто знает, куда он их посеял, побросал. Сяртты Ханнэхо увидел душу маявшегo человека, который никак не может умереть. Она тоже вся измучилась, ходит, ищет каждый брошенный волос, ногти. Нашла кучу прибранных чужих волос, а его волос нет. А если где-то и найдет, начинает тянуть — они рвутся. Душа витает, ползает, ходит, бегаёт там, где раньше человек жил, ходил.

Сяртты Ханнэхо вот что ещё увидел: душа начала искать ногти. Рылась-рылась в куче, не может ничего найти. Кое-как часть ногтей нашла, но они сгнили, поломались... Сколько мук перенесла душа, и Сяртты Ханнэхо пожалел её, стал молиться, просить прощения за грехи человека. Вот с тех пор так и пошло: нельзя волосы и ногти бросать как попало и куда попало, а надо прибирать, как заведено. Тут Ими — женщине-Огню надо волосы отдавать: когда понадобятся, она вернет их.

А почему нельзя стричь волосы и ногти вечером? А вот почему: вечер, ночь — это время жизни чертей, темных сил, они быстро подберут волосы и ногти, а этим укорачивается жизнь человека на этом свете.

С тех пор прошло много дней, много воды ушло, но в памяти народа живёт эта легенда, накрепко вселилась в душу каждого ханты и передается из одной души в другую, из одной жизни в другую жизнь, напоминает о святости человеческих волос и ногтей...

Эта легенда вошла в мою душу от моей бабушки, отцовской матери, Федосьи Алексеевны Вагатовой.

СЦЕНКИ ДЛЯ МЕДВЕЖЬИХ ИГРИЩ

ХИЛЫЕ И СЯСИ ИМИ

Эту инсценировку для медвежьего игрища я написала по мотивам хантыйских сказок, легенд, обычаев.

Хилы говорит Сяси Ими: «Ты, бабушка, сиди дома, помолись нашим богам, святым духам. А я пойду в лес, поохочусь. Может, удача будет, еды принесу. Ведь я хорошо знаю законы предков, обычаи и традиции нашего рода. Дело внука — заботиться о бабушке».

Прощается с бабушкой и, танцуя, уходит в лес, а Сяси Ими поет святую молитву, прося у духов удачу (поет первую песню) и стучит в такт деревянной поварешкой о пустой котел. А Хилы в лесу добыл дикого жирного хора — самца оленя и говорит: «Не буду я эту тяжесть взад-вперед носить, лучше здесь съем». Хилы съедает мясо, отдыхает и возвращается к Сяси Ими.

Сяси Ими спрашивает внука:

— Ну, что, Хилые, принес из леса еду? Добыл зверя?

— Нет! Никакого зверя не видел. Ходил, ходил. Ездил, ездил, только устал, — отвечает Хилы.

— Что же будем делать, Хилы? Видишь, котел пустой, мой живот проваливается внутрь, — говорит Сяси Ими (показывает на пустой котел и свой живот).

— Ладно, Сяси, я снова пойду на охоту, может, на этот раз повезет. Только ты молись как следует, — обманывает Хилы свою старую Сяси Ими.

Снова прощаются, целуются.

Бабушка садится камлать (вся дрожит, поет вторую песню и стучит), а внук уходит в лес. Танцует (охотится, оглядывается, видит: стоит лось, добывает). Снова говорит: «Не буду я эту тяжесть туда-сюда носить, перетаскивать. Здесь поживу, съем мясо и налегке домой пойду». Ест, пьет, спит, храпит, отдыхает, потом вспоминает о бабушке. Танцуя, идет домой.

Снова обманывает Сяси Ими, она из последних сил просит, напоминает ему о долге внука и говорит: «Как жить дальше?..» Внук снова уходит под третью песню бабушки. На этот раз она вымолила ему медведя. Хилы также решил не носить тяжесть, и один съедает мясо. А в это время Сяси умолкает и падает около пустого котла, умирает с голоду.

— Что случилось с Сяси Ими? Неужели она умерла? А почему она умерла? — обращается он к людям и уходит со сцены.

Выходит на сцену ведущий и, обращаясь к зрителям, говорит: «Эх, горе-внук! Неужели не знаешь, что бабушка с голоду умерла. Испокон веков охотник добычу

домой возит, носит, радуется свежей пищей стариков, детей, родителей. Таких внуков не бывает, настоящий внук соблюдает законы жизни предков».

* * *

С детства знакомые обычаи, традиции живут в моем сердце и легли в основу этой сценки медвежьих игрищ, вошедших в репертуар нашего семейного ансамбля «Ешак най».

Мой дед Николай Александрович Вагатов подобное пел, рассказывал, когда отец медведя домой привозил. Я тогда была ребенком трех-пяти лет, но до сих пор слышу эти песни, поэтому решила их оживить и придумала для Сяси Ими слова, чтобы моим внукам можно было петь и танцевать. Впервые эту сценку мы с внуком Павликом показали в Венгрии, это было в 1996 году. В этот же год с родственником Ефимом Николаевичем Волдиным показали в Финляндии, когда ставили медвежье игрище. Затем несколько раз исполняли на концертах. В этой книге я решила выделить медвежьи игрища в особый раздел, чтобы вы имели возможность прочитать, выучить и исполнять их на сцене. Я верю, медвежьи игрища снова займут свое достойное место в жизни нашего народа. «Большие» — святые песни записаны нашими учеными, хранятся в архивах, издаются отдельными книгами, мелодии этих песен тоже записаны. Значит, есть надежда, что эти песни запоют люди следующих поколений, возродят давно забытое. Я верю, придет это!

Песни камлания Сяси Ими

Первая песня

Хилыейо! Холыейо!
Рох! Рох! Рох! Ренгхатайе! Ренгхатайе!
На спине густого леса,
Между рядом стоящих деревьев,
Пусть станет лесной хор-олень
И ждет стрелу, выпущенную моим внуком.
Хилыейо! Холыейо!
Рох! Рох! Рох!
Ренгхатайе! Ренгхатайе!

Вторая песня

Хилыео! Холыео!
Рох! Рох! Рох!
Ренгхатайе! Ренгхатайе!
На горбу высокого холма, покрытого лесом,
В верховье реки, укрытой со всех сторон деревьями,
Пусть станет лось-самец.
Пусть ждет стрелу, пущенную из лука моим внуком.
Хилыео! Холыео!
Рох! Рох! Рох!
Ренгхатайе! Ренгхатайе!

Третья песня

Хилыейо! Холыейо!

Рох! Рох! Рох!

Ренгхатайе! Ренгхатайе!

Что за несчастливый день настал для нас,

Что за горестное время пришло к нам!

На водную дорогу встань,

На лесную дорогу сходи.

Хилыейо! Холыейо!

Рох! Рох! Рох!

Ренгхатайе! Ренгхатайе!

В сердце густого, темного леса,

В середине высокого холма, покрытого густым лесом

Святой зверь — сын Бога,

Святой зверь — дочь Бога,

Может, ты ждешь моего внука,

Может, ты выкажешь себя моему внуку.

Может, ты обрадуешь наш дом,

Может, сделаешь счастливым и видным наш дом.

Холыейо! Хилыейо!

Рох! Рох! Рох!

Ренгхатайе! Ренгхатайе!

КАРАНГ ВЕНШ, СУТАРЕНГ ВЕНШ

(По хантыйским легендам, песням)

Дом, где сидит тундровый зверь,
Дом, куда вошел небесный зверь,
Множество мужчин, вошедших в дом,
Множество женщин, вошедших в дом,
Вы послушайте,
Вы посмотрите.
Множества женщин место для танца
Вон мы открыли, сделали.
Множества мужчин танцевальное место —
Вон мы встали в танец.
Этой деревни святой женщины дочь,
Этого города святого мужчины дочь
Множества женщин место для танца —
Вон она тоже встала.
Множества мужчин танцевальное место —
Вон она тоже пришла.
Руки проворны ее,
Красиво и чудно ведет свой танец.
Ноги проворны ее,
Красиво танцует она.
Кисти ее красивого платка
Вон как радуют нас.
Края платка с кистями —
Вон как она машет, ими играет.
Я подумываю,
Я надеюсь, что
Этой деревни святой женщины дочь,

Этого города святого мужчины дочь
Имеет лицо, подобное цвету крови зайца — алое.
Еще я подумываю,
Еще я надежды ловлю,
Этой деревни святой женщины дочь,
Этого города святого мужчины дочь
Своей суженой
Я буду звать,
Я ее буду сватать.
Этой деревни святой женщины дочь,
Этого города святого мужчины дочь
Руками проворными, красивыми
Вон она как танцует,
Ногами проворными, чудесными
Вон она как танцует,
Я подумываю, как увидеть ее лицо,
Я надеюсь увидеть красоту ее.
Каков цвет ее лица,
Каков цвет ее тела?
Кончик красивого платка с длинными кистями
Пусть бы зацепился за
Руку мою с пятью пальцами.
Края цветастого платка с длинными кистями
Пусть зацепились бы за
Руку мою с пятью пальцами.
Этого города святой женщины дочь,
Этой деревни святого мужчины дочь
Продолжает проворный красивый танец,
Кончик красивого платка с длинными кистями
За мою руку зацепился,

Кисти цветастого большого платка
Зацепились за мою руку
С пятью пальцами.
Я тут же сдернул этот платок!
Дети, ха-ха-ха!
А я-то подумывал:
Этого города святой женщины дочь,
Этой деревни святого мужчины дочь,
Она проворно, красиво танцует.
Руками, ногами проворно она танцует.
Дети, ха-ха-ха!
Подобный дятлом продырявленному дереву Каранг
Венш,
Он, оказывается, сюда прикатил.
Дятлом покарябанный Сутаренг Венш,
Он здесь среди людей, сюда притащился.
Как дятлом продырявленное дерево —
Сутаренг Венш,
Он меня веселит.
Как дятлом испещренное дерево —
Каранг Венш,
Он меня танцем забавляет.
Дети, ха-ха-ха!
Мне очень радостно и весело!
Мне ведь весело и счастливо от этого!

Эту песню-танец я написала по старинным легендам, песням, инсценировкам, которые помнились с детства, и сохранившимся в памяти отдельным фрагментам.

Говорят, много людей при выборе невест, женихов ошибались. Поэтому в жизни случается, когда юноша в жены берет пожилую женщину, а молодая девушка может выйти за старого мужчину. А как они живут-поживают — об этом только они знают.

Говорят, медведь очень много раз ошибался на медвежьих игрищах. За свою жизнь мне приходилось много раз бывать на медвежьих игрищах: в Амне, Юильске, Помуте, оленьих стадах в тундре. Я росла и жила со старшими людьми... Сколько чудесных сказаний, легенд от них слышала, они в моей душе и не могут потеряться. Вот такая песня и вышла, под нее легко танцевать...

Танцуют женщины и мужчины, появляется Каранг Венш, Сутаренг Венш. Он одет в мужскую одежду, на лице берестяная маска, а сверху накрыт большим цветастым платком с длинными кистями. Каранг Венш, Сутаренг Венш должен танцевать женский танец, а когда платок сдернут — он танцует мужской шуточный танец, цель его — смешить, развлекать людей.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Затяжная весна опустошает лабазы, делает жизнь больной.

Руки без жил что ли?

Твои руки не жилами закреплены...

Если человек хороший, то всем расскажи о нем, только ему не надо об этом говорить.

А если человек плохой, то никому не надо говорить о нем, даже ему самому.

Земля без женщины мертва, а без мужчины жизни нет.

Ты не Солнышко.

Во рту пена кипит, а не поймешь, что говорит.

Рога что ли выросли, в дом не вмещаешься?

Не от тебя восходят Солнце и Луна.

ХАНТЫЙСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

УКАШОПИЕ

В одном углу земли в одной лесной юрте, в одном лесном, водном месте жила бабушка Сяси Ими со своим внуком. Внука звали Укашопие. Белый Торум много дней дал им.

У Укашопие было только одно дело — кататься с горки. Только утро наступит, поест, попьет, оденется, снарядится, берет нарточку, и идет на горку. Как начнет Укашопие кататься с утра, так и катается до позднего вечера. Только вечером приходит ему в голову мысль: «Наверно, надо идти домой». Вся одежда его льдом покрывается, вся одежда превращается в лед.

Однажды Сяси Ими говорит внуку: «Укашопие, почему ты все время катаешься? У любого человека есть разные нужные дела. Видишь, я старенькая, мне тоже надо помогать. Ты бы дровишек занес, за водичкой сбегал. Дел-то ведь много, как человеку без дела жить? Зачем так долго кататься? Можно покататься да и домой надо побежать. Не то и Кирнюлуп Ими может к тебе придти».

Укашопие молча, но внимательно выслушал ее, стал одеваться. Надел теплые кисы, малицу, подпоясался. Маленькую нарточку схватил за веревочку и снова отправился на горку. Идет и думает: «Немножечко покачусь и домой побегу. Сяси Ими буду помогать».

Начал кататься с горки Укашопие. Утро было, его не стало. День наступил, но мальчик не переставал кататься. День закончился, и вечер настал, уже темно. Укашопие думает: «Ну еще один раз покачусь и домой побегу».

Нарточку направил, хотел было сесть на нее, но решил прежде посмотреть вниз под горку. Видит, кто-то ходит под горкой. Нос длиной с доску, на которой выделывают шкурки оленей, весь в коросте. Большие белые зубы сверкают. Каждый зуб величиной с пень, покрытый зимним снегом. Это была Кирнюлуп Ими.

— Укашопие, катись сюда, — крикнула Кирнюлуп Ими и подставила огромный берестяной кузов — хинт, крышку открыла.

«Нет, я туда катиться не буду, я мимо прокачусь и домой побегу», — подумал Укашопие. Покатился и точь-в-точь угадал в хинт вместе с нарточкой. Кирнюлуп Ими обрадовалась и быстро захлопнула крышку хинта, бросила хинт на спину и зашагала домой. Идет и думает: «Мягкое, теплое мяско добыла, попался мальчик». А в это время Укашопие из ножен достал свой личный маленький ножичек, который был сделан из половинки сломанного ножа бабушки, проделал дырку в дне берестяного кузова и из нее выпал вместе с нарточкой.

— Идем Ими, а я-то остался! — крикнул Укашопие.

— Ну, ладно, оставайся, оставайся. В следующий раз я приду с деревянным хинтом, ты тогда уже не останешься, я тебя тогда съем, — сердито закричала Кирнюлуп Ими.

Укашопие схватил нарточку и побежал домой к Сяси Ими. Пришел и ничего не рассказал. Сяси Ими опять напомнила внуку: «Почему, Укашопие, милый мой внучек, так долго катаешься? Почему ты не боишься темноты, вдруг кто-нибудь страшный придет, тебя заберет. Да и о делах надо думать, руки и сердце приучить к труду надо».

Укашопие опять молча, но внимательно выслушал бабушку, снял мокрую ледяную одежду, обувь. Поел вкусной еды, напился и спать лег. А Сяси Ими высушила мокрую ледяную одежду.

На следующий день Укашопие встал, поел, попил, надел теплую малицу, теплые кисты, подпоясался, схватил за веревочку нарточку и побежал на горку кататься, но прежде сказал Сяси Ими: «Я немного покатаюсь и сразу домой прибегу, буду тебе помогать».

Пришел Укашопие на горку и стал кататься. Катался, катался, не заметил куда и когда утро ушло. Оказывается, день настал. Опять катался, катался, когда оглянулся, дня уж нет, ушел день, наступил вечер, и уже темно стало. «Ну, ладно, еще один раз скачусь и сразу побегу домой, Сяси Ими меня ждет», — подумал Укашопие. Поставил нарточку и решил посмотреть под горку, куда лучше скатиться, а там кто, думаете, ходит?! Кто стоит под горой?! Кирнюлуп Ими снова пожаловала, но на этот раз принесла с собой деревянный хинт.

открыла, подставила так, чтобы Укашопие поймать. Вдруг громко, нечеловеческим голосом крикнула: «Укашопие, сюда катись!»

«Нет, я туда не покачусь, мимо хинта промчусь и сразу убегу домой», — подумал Укашопие. Скатился с горки Укашопие и в отверстие хинта угадал с нарточкой вместе. Кирнюлуп Ими крышку хинта захлопнула, хинт на спину кинула и на весь лес радостно закричала: «А-а, вот удача! Мягкое, теплое, вкусное мяско добыла!»

Укашопие достал свой ножичек, сделанный из полножа, и принялся дырявить хинт. Наконец продырявил его, выпал вместе с нарточкой и кричит: «Имем Ими, а я остался!»

— Ну, ладно, оставайся! В следующий раз я приду с железным хинтом, тогда уж ты не останешься, — сердито, страшным голосом прокричала Кирнюлуп Ими.

Укашопие хватя за веревочку нарточку и побежал домой. А когда домой пришел, вечера уже не было, наступила ночь. Ничего не рассказал он опять бабушке.

— Почему ты, Укашопие, такой непослушный, слово старшего человека обходишь мимо? Это очень плохо. Да и кто-нибудь может придти и испугать тебя, — говорит бабушка. — Почему твои руки не берутся за дело, так ведь человек не живет. Разве можно только кататься и больше ничего не делать?

Укашопие снял мокрую ледяную одежду, поел, попил и сразу спать лег в свою мягкую и теплую постельку.

Наступило новое утро. Укашопие соскочил с постели, умылся снегом, поел, попил вкусно. Снова надел высушенные кисы, малицу, подпоясался, схватил свою нар-

точку за веревочку и отправился кататься с горки. Обо всем на свете забыл, только и знает кататься. Только что было утро, куда оно девалось, уже день наступил... Вдруг опомнился, видит, и день ушел, света не стало. Опять вечер настал.

— Ладно, я еще только один раз прокачусь и домой побегу, — подумал Укашопие. Нарточку направил, хотел было скатиться, но решил посмотреть под горку: кто там ходит!? Опять пришла Кирнюлуп Ими, только на этот раз она принесла железный хинт и поставила так, чтобы Укашопие как только скатится, попадет в него.

Кирнюлуп Ими была очень сердитая, оскалила свои зубы величиной с пень, покрытый зимним снегом, вдруг громко, страшно закричала: «Укашопие, катись сюда!»

— Нет, я к тебе не покачусь, а мимо проскачу, — в ответ тоже громко крикнул Укашопие.

Как скатится Укашопие — и бух! — угадал вместе с нарточкой в железный хинт. Кирнюлуп Ими захлопнула хинт, бросила его на спину и зашагала в сторону своего дома.

— Ну что поделаешь, надо думать, как себя выручать.

Стал Укашопие своим ножичком, сделанным из половинки сломанного ножа, сверлить дно железного хинта, бесполезно, сломался ножичек.

Кирнюлуп Ими притащила к себе домой мальчика, радуется. Поставила его к стене, растянула руки и ноги, приковала их к стенке, а в нос иголку воткнула.

— Пусть нос распухнет, пусть пожирнее будет. А я тем временем схожу в лес, свежей бересты надеру, что-

бы из новой посуды есть свежее, мягкое, вкусное мясо, — говорит Кирнюлуп Ими своим дочкам. — Вы оставайтесь дома, играйте, а костер пусть горит, добавляйте дров, вода в котле пусть закипает, мы потом в этом котле будем варить добычу — Укашопие.

Произнесла эти слова и ушла в лес.

Укашопие, прикованный к стене, стал думать, как бы за это время убежать, спасти себя. «Что же делать? Как быть?» — задавал он себе вопросы...

Костер разгорелся, в котле вода уже закипает. Девочки Кирнюлуп Ими резвятся, играют вокруг костра.

Укашопие и говорит девочкам: «Ладно, так и быть, куда я денусь, меня освободите, вместе поиграем, потом вы меня сварите и съедите». Дочки Кирнюлуп Ими послушались, выпустили его, стали играть втроем. Бегают, прыгают вокруг костра. Как бы невзначай Укошопие толкнул дочек Кирнюлуп Ими в горячий котел, и они сварились. А он тем временем поймал двух мышей и, связав их вместе за хвостики, пустил в полог. Затем Укошопие взял три чашки, наполнил мясом дочерей людоедки. Одну чашку поставил на полпути Кирнюлуп Ими, другую — на пороге, третью — в переднем углу ее дома. Потом наполнил золой и углем берестяной сон — посуду, взял пещню и забрался на большую высокую лиственницу, которая стояла позади дома. Стал дожидаться Кирнюлуп Ими.

И вот видит с большой высокой лиственницы, идет Кирнюлуп Ими быстрыми, длинными шагами. Вдруг наткнулась на чашку с мясом и страшно закричала: «Шатша! Что наделали мои девочки, зачем сварили

Укашопие! О-о-о, моим мясом пахнет, моей кровью пахнет. Я же поймала мальчика, потому так и пахнет». Схватила кусок мяса, проглотила и дальше зашагала.

У дверей дома опять увидела чашку с мясом. Схватила и еще один кусок проглотила, крича от удовольствия: «Шатша! Шатша! Шатша!»

Зашла в дом, видит в углу дома на столике — еще одна чашка с мясом. Ринулась туда и опять закричала: «О-о-о, шатша!» Проглотила кусок мяса. Слышит, в пологе кто-то пищит. Кирнюлуп Ими подумала, что это ее дочки играют, стала их ругать: «Йи-йи, что вы натворили, почему без меня сварили мальчика?»

В это время Кирнюлуп Ими вдруг услышала голос Укашопие: «Имем Ими, выходи на улицу, я здесь».

Выбежала людоедка, стала своими огромными зубами грызть большую, толстую листовницу, да еще и кричит: «Сейчас перегрызу дерево, никуда не денешься, все равно будешь в моем животе, я тебя и так проглочу».

— Ты, бабушка, себя не утруждай, ложись лучше под дерево на спину, открой рот, а глаза закрой, вдруг что-нибудь в них попадет. А я сам прыгну тебе в рот, ты тогда и проглотишь.

Согласилась Кирнюлуп Ими, так и сделала. Легла на спину, рот широко разинула, зубы оскалила, глаза плотно закрыла. Лежит и ждет, когда же Укашопие окажется во рту.

Укашопие стал слезать с дерева, сыплет золу, горячий уголь в рот Кирнюлуп Ими.

— Внучек, что ты сыплешь мне в рот? — спрашивает она.

— Это, бабушка, наверно, кусочки коры с лиственницы падают. Я их, наверно, задеваю, слезая, — отвечает Укашопие. Тем временем он совсем почти спустился и бросил пешню в ее ненасытный рот. Кирнюлуп Ими даже не успела крикнуть, пешня насквозь проткнула ее.

Укашопие слез с дерева, разжег большой костер, пламя задевало даже небо. Бросил бабушку-людоедку в костер и крикнул громко: «Когда-нибудь, когда будут жить люди, подобные красивым куклам, пусть таких, как Кирнюлуп Ими, не будет, таких, которые едят детское мясо, человеческое мясо».

Дождался Укашопие, когда костер погаснет. На пепел дунул — полетели тысячами комары до мошки, угли раздвинул — поползли тысячи черных жучков, червячков.

С тех пор ханты жучков, червячков, букашечек не трогают, не убивают, комаров и мошек тоже нельзя убивать, их только выкуривают дымом, выметают крыльями птиц.

Укашопие пришел домой и вместе с Сяси Ими до сих пор живет.

Эту сказку я вам рассказала, а мне рассказала моя мама Варвара Ивановна Вагатова.

МАЛЕНЬКАЯ СКАЗОЧНИЦА И ЕЕ ШУБКА ИЗ СУКНА, УКРАШЕННАЯ БУБЕНЧИКАМИ

В одном углу божественной земли, в одном краю святого леса жила Маленькая Сказочница. Никто не знает, когда она осталась одна, когда у нее не стало матери, отца, куда подевались остальные родственники. Никто не знает, были ли они когда-то. От отца, от матери ничего у нее не осталось, осталась одна только шубка из сукна, украшенная бубенчиками и узорами, только одна шубка из сукна, украшенная узорами.

Ночь наступит — она ею укуруется, день наступит — на себя наденет. Однажды она шубку с бубенчиками вынесла на улицу и вывесила на жердочку, чтобы немного проветрилась.

Вечером Маленькая Сказочница вышла на улицу, чтобы занести заветную шубку домой.

«Те, а где же моя шубка с бубенчиками?» — думает. Постояла, посмотрела вокруг Маленькая Сказочница. Сердце обида взяла, она заплакала, зарыдала. Кто ее горю поможет, нет у нее отца, нет у нее матери. Кто взял? Крылатый ли был вор, на ногах ли он ходил, никто ничего не знает. Решила Маленькая Сказочница сама отправиться в путь и отыскать суконную шубку с бубенчиками. Маленькая Сказочница пошла туда, куда ноги идут, идет туда, куда глаза глядят. Долго ли она шла, коротко ли, мы не знаем, но стало уже темно.

— Да куда же идти в темноте, куда путь держать, ничего не видно. Надо искать место для ночлега, — подумала

она. Стала осматриваться в поисках подходящего места для ночевки, взгляд бросила вперед и увидела домик, из печной трубы дым идет, искры вылетают.

— Ладно. Кто бы в этом доме ни жил, может, добрый дух, может, злой дух, пойду в дом, попрошусь ночевать. Сердце чувствует, если огонь есть, то не может такого быть, чтобы человека не впустили в дом. Это очень хорошо знаю, — подумала Маленькая Сказочница. Как решила, так и поступила. Отправилась в сторону дома. Но вот беда, близко не подойдешь. По сторонам двери две собаки, похожие на серых ястребов, две собаки, похожие на серых волков, подняли страшный лай. И тут что-то заскрипело, кто-то открыл дверь и послышался голос: «Охранники вы мои верные, если злой человек сюда идет, то разорвите его на такие куски, чтобы они были мельче песчинки, мельче пылинки. А если добрый человек идет, то встречайте, отряхните снег, слизните лед, домой запустите». Две собаки, похожие на серых ястребов, две собаки, похожие на серых волков, успокоились, подбежали к Маленькой Сказочнице, слизнули снег и лед и в дом запустили.

Вошла в дом Маленькая Сказочница и увидела женщину. Это была ее старшая сестра.

— Маленькая Сказочница, моя милая сестричка! С того угла божественной земли, с того края святого леса кто тебя привез, как тебя привез? Ногами ли ты пришла? На крыльях ли летела? — спрашивает сестра. — Может, весть какую принесла?

— Какую я весть принесла?! Нет у меня вестей, а беда меня водит по земле. От отца, от матери оставлена

была мне единственная суконная узорчатая шубка с бубенчиками, ее кто-то взял, ее кто-то украл. Шубку пошла искать, — ответила Маленькая Сказочница сестре.

Сестра собрала еды на стол, поели, попили, затем она говорит:

— А сейчас ты спрячься, скоро вернется мой муж. Кто знает, что он думает? Кто знает, как он тебя встретит?

Маленькая Сказочница спряталась.

Немного погодя раздался грохот, стены дома задрожали. Что случилось?! И тут кто-то вваливается в дом, вползает в дом! Оказывается, одноглавый огромный змей. Поднял свою голову и водит ею по всем углам дома, вынюхивает что-то. Затем заговорил:

— Жена, в доме кто-то есть, чьи-то глаза на меня смотрят, чьи-то уши меня слышат. Может, кто-то пришел? Может, кто-то приехал?

Жена пугливо, но спокойным голосом говорит:

— Да, с того угла божественной земли, с того края святого леса пришла моя самая младшая сестренка. От отца, от матери оставленная ей в наследство суконная узорчатая шубка с бубенчиками потерялась, пошла искать ее.

— Ой, если так, то где же она? — обрадовался зять — одноглавый змей. — Пусть выходит, не надо прятаться.

Маленькая Сказочница вышла из того угла, где пряталась. Вдруг в какой-то миг бросила взгляд в сторону змея, а вместо него молодой красивый мужчина, каких никогда и нигде не видела, идет к ней навстречу здоро-

ваться. Поцеловались, обнялись. Кто знает, сколько слов сказали друг другу, кто знает, сколько еды поели, кто знает, сколько питья было, но пришло время ночи. Легли спать.

Наступило утро. Зять-змея никогда днем дома не находится, он земли обходит, воды объезжает, его уже не было дома. Сестра Маленькой Сказочнице юлу-вертушечку в руки положила и говорит:

— Милая моя сестричка, ничем я тебе не могу помочь, вот возьми эту юлу-вертушечку. Выйдешь на улицу и брось ее на землю, куда она покатится — туда за ней и иди.

Попрощались сестры. Маленькая Сказочница вышла из дому и бросила юлу-вертушечку, она покатилась. Маленькая Сказочница за ней и пошла.

Кто знает, долго ли она шла, кто знает, коротко ли она шла, только вдруг она опомнилась и видит, что уже темно.

— Ладно. Буду искать место для ночлега. Наступит утро, тогда и дальше пойду, куда ночью идти, куда в темноте дорога поведет, — подумала Маленькая Сказочница, посмотрела вперед и увидела домик. Из печной трубы дым валил, искры вылетали.

— Ладно, пусть хоть кто в том доме живет: злой ли дух, добрый ли дух, пойду, попрошусь переночевать. Ведь в доме огонь горит, значит, можно человеку войти. Наверно, ничего грешного в этом нет, — думает Маленькая Сказочница.

Пошла она в сторону дома. Совсем было приблизилась. Но как зайдешь, если две собаки, похожие на

ястребов, две собаки, похожие на волков, залаяли, страшно зарычали. Стоит Маленькая Сказочница и не знает, что же дальше делать. Тут скрипнула дверь, и до нее донесся голос: «Мои две собаки, слушайте, если пришел мне ненужный человек, то его разорвите на куски, которые были бы мельче песчинок, мельче пылинок. А если человек, который мне дорог, то слизните с него снег и лед, запустите в дом».

Две собаки, похожие на ястребов, две собаки, похожие на волков, замолчали, прибежали к Маленькой Сказочнице, слизнули с нее снег и лед и впустили в дом.

Как только она оказалась в доме, сразу узнала в женщине свою среднюю сестру.

— Светлый день! С того угла божественной земли, с того края святого леса как ты сюда пришла, Маленькая Сказочница — моя самая младшая сестренка? Ты на крыльях ли прилетела? Может, ножной дух тебе помог сюда придти? Может, весть какую ты принесла? — спрашивает ее средняя сестра.

Обе сестры обрадовались, поцеловали друг друга, обнялись.

— Нет у меня вестей, вот только что случилось. От отца и от матери мне в наследство оставалась суконая узорчатая шубка с бубенчиками, ее я потеряла. Кто ее взял? Кто ее унес? Никто и ничего не знает. Вот и пошла я искать свою шубку, — говорит в ответ Маленькая Сказочница. — Может, сестра, ты поможешь? Может, ты что-нибудь про это знаешь?

— Нет, я ничего не знаю. Переночуй, завтра, может, что-нибудь в голову придет, — ответила средняя сест-

рица. Она накормила, напоила Маленькую Сказочницу.

— Ну, а сейчас спрячься. Скоро мой муж — твой зять придет. Кто знает, как он тебя встретит, — говорит сестра.

Маленькая Сказочница спряталась. Вдруг раздался грохот, стены дома задрожали. Немного погодя кто-то вваливается в дом. Смотрит из укрытия Маленькая Сказочница, оказывается, двухглавый огромный змей. Поднял свои две головы, водит ими из стороны в сторону, что-то вынюхивает. Из глаз искры сыплются, пламя пышет. Маленькая Сказочница сидит в своем укрытии, от страха дыхание внутрь ушло, сердце останавливается, печень сплющивается.

Вдруг двухглавый змей заговорил человеческим голосом:

— Жена, в нашем доме кто-то есть, чьи-то глаза на меня смотрят, чьи-то уши меня слушают. Кто же это?

— Моя самая маленькая сестренка приехала с того угла божественной земли, с того края святого леса. То ли крылья ее принесли, то ли пеший дух помог добраться. Суконную узорчатую шубку с бубенчиками потеряла, а теперь ее ищет, — пугливо сообщила жена.

— Если гость в дом пришел, то зачем ему прятаться. Пусть выходит, надо же поздороваться, — громко и радостно сказал двухглавый змей-зять.

Вышла из укрытия Маленькая Сказочница, и что за чудо — перед ней стоял такой красивый человек, какого никогда и нигде не видала, может, только в сказ-

ках такие бывают, протянул руки, поздоровался с ней, обнял, поцеловал.

Сели они вместе за стол, ели, пили, говорили хорошие, ласковые слова, слушали речи теплые. Пришло время сна, легли спать.

Наступило утро. Проснулись, а змея-зятя уже не было дома. Он очень рано уходил объезжать воды и земли, очень рано отправлялся в путь добывать зверя и птицу, рыбу.

Маленькая Сказочница стала собираться в путь. Средняя сестра тоже дала ей в руки юлу-вертушечку.

— На, сестричка, бери это. Выйдешь из дому и кинь юлу-вертушечку на землю. Куда она покатится — туда и иди за ней. Может, она приведет туда, куда надо. Больше я ничем помочь не могу, — сказала средняя сестричка. Помолились святому Отцу, святым духам, попрощались.

Вышла Маленькая Сказочница из дома, кинула на землю юлу-вертушечку, она покатилась. За ней и пошла Маленькая Сказочница. Кто знает, сколько она была в пути, долго ли, коротко ли шла. Вдруг опомнилась и видит, уже темно стало.

— Ну, надо поискать место для ночлега. Кто дальний путь ночью ведет? Куда дорога в темноте пойдет? — подумала Маленькая Сказочница.

В это время увидела дом. Дым идет из чувала, искры летят.

— Ладно. Будь что будь. Пусть хоть злой дух, хоть добрый дух в том доме живет, а я все равно пойду, буду проситься ночевать. Если огонь горит в доме, если огонь

живет в доме, туда можно человеку идти — это я хорошо знаю, — продолжает думать Маленькая Сказочница, идет к домику. Совсем было приблизилась, но войти не может, все пропало...

Около дверей две собаки, похожие на ястребов, две собаки, похожие на волков, рычат, лают страшно, вот-вот прыгнут на нее. Вдруг дверь скрипнула, и чей-то голос донесся до нее:

— Йи, мои вы две собаки, йи, мои два охранника, слушайте. Если пришел злой человек, если пришел мне ненужный человек, то разорвите в клочья, которые были бы меньше песчинок, меньше пылинок. А если добрый человек, если пришел мне родной человек, то слизните снег и лед, домой запустите.

Две собаки, похожие на ястребов, две собаки, похожие на волков, сразу замолчали, подбежали к Маленькой Сказочнице, слизнули снег и лед, впустили домой.

В этом доме жила младшая сестра, Маленькая Сказочница сразу ее узнала, как только вошла в дом. Обнялись, поцеловались, вытерли слезы.

— С того угла божественной земли, с того края святого леса как ты пришла сюда? Может, крылатый дух тебе помог, может, пеший дух помог сюда придти? Какие вести ты принесла? — спрашивает сестра.

— Какие вести, какие новости? Нет их у меня. Разве только то, что у меня была суконная узорчатая шубка с бубенчиками, которая мне была оставлена в наследство отцом и матерью. Шубку потеряла, ее я ищу. Вот и пришла сюда. Сестра моя милая, может, ты мне

поможешь, может, ты что-нибудь знаешь, — просит Маленькая Сказочница.

— Может быть, я что-то и знаю про твою шубку, может быть, я и помогу, но сейчас вечер. Переночуем, завтра будет день. Я буду думать, что делать дальше, — ответила ей сестра. Она накормила, напоила сестренку, велела спрятаться.

Маленькая Сказочница спряталась. Вдруг слышит страшный грохот, треск деревьев, все вокруг дрожит, дом весь ходуном ходит. Сидит в укрытии она, сердце вот-вот выскочит, печень вот-вот сплющится, тело холодом затянуло. Кто-то втащился в дом. Оказывается, в дом вошел трехглавый огромный змей. Все три головы поднял высоко, водит ими по всем углам дома, вынюхивает что-то, а потом и говорит человеческим голосом:

— Йи, жена, в нашем доме кто-то есть. Кто-то слышит мои слова! Кто-то смотрит на меня! Что это такое? Может, пришел кто? Так просто не бывает.

— С того угла божественной земли, с того края святого леса пришла моя самая младшая сестренка. От отца, от матери оставалась у нее суконная узорчатая шубка с бубенчиками, она ее потеряла. Вот и отправилась в путь искать ее, — сказала жена мужу — трехглавому змею.

— О-о, если гостя приехала, если гостя вошла в дом, то почему надо прятаться, надо выйти, поздороваться, — радостно, но очень громко сказал трехглавый змей-зять.

Маленькая Сказочница вышла из укрытия, не успела глазом моргнуть, как перед собой увидела чудесного

красавца, каких даже в сказках не бывает. Он идет к ней, протянув руки. Обнялись, поцеловались, вытерли слезы радости. Пили, ели, только кто знает, что они ели, что они пили. Много говорили, и тоже никто не знает, о чем говорили. Пришло время сна, легли спать.

Настало утро. Смотрит Маленькая Сказочница, трехглавый змей-зять уже ушел, нет его дома. Он рано уходит из дому обходить воды и земли, добывать зверя и птицу. Сестра говорит Маленькой Сказочнице:

— Йи-я, йи-я! Дорога твоя, сестренка, очень трудна, дорога твоя, сестренка, очень страшна. Я знаю, где твоя шубка с узорами и бубенчиками. Я тебе отдам вот эту юлу-вертушечку, ты ее брось на землю и иди за ней. Она приведет тебя к большой лиственнице, вершина ее касается Неба, корни в Земле находятся. На вершине этой лиственницы висит твоя заветная суконная узорчатая шубка с бубенчиками. Охраняют шубку семь волков. Они почти не спят, только в полдень чуть-чуть засыпают, а остальное время они сидят, сторожат. Ты подойдешь к лиственнице, осмотрись как следует. Жди, когда заснут волки, очень тихо подойди к дереву, залезай, достань шубку. Затем очень тихо спускайся с лиственницы. Никакого звука не издавай. Малейший звук будит волков. Вот тогда все — жизнь дальше уже не пойдет, — сказала сестра Маленькой Сказочнице. Ну, все. Иди. Если жива будешь — увидимся, если смерть найдешь — дух твой даст мне знать о тебе.

Попрощались сестры. Маленькая Сказочница вышла на улицу, кинула на землю юлу-вертушечку и за ней пошла. Долго ли шла, коротко ли шла Маленькая Ска-

зочница, никто про это не знает. Но вдруг она видит, стоит большая лиственница, вершина касается Неба, а толстые корни ушли в Землю. Вокруг лиственницы сидят семь волков, в их глазах огонь горит.

— Ладно. Подожду полдня, посмотрю, уснут или нет, — думает Маленькая Сказочница. Посмотрела она на вершину лиственницы, а там висит ее суконная узорчатая шубка с бубенчиками, которую ей оставили отец и мать. Вдруг она увидела, что волки легли головами к основанию лиственницы и закрыли глаза.

— Все, надо идти. Будь что будет, что поделаешь, — подумала Маленькая Сказочница и лапами маленькой мышки, мягкими лапами маленького зверя подкралась к лиственнице. Влезла, сняла суконную узорчатую шубку с бубенчиками, сунула ее за пазуху и стала слезать. Тише не бывает — так она слезает с лиственницы, медленнее не бывает — так она слезает с дерева. Вот она уже почти слезла, но тут один бубенчик как зазвенит. Все семь волков враз вскочили и Маленькую Сказочницу на семь кусков разорвали. То ли волки ее съели, то ли волки ее не съели, но зима прошла, весна прошла, лето наступило. Чудо произошло. Вокруг лиственницы красивым узорчатым ковром выросло огромное поле цветов, оно было похоже на суконную шубку Маленькой Сказочницы.

Мимо этих цветов шли медведь и медведица, и захотелось им съесть по одному цветочку, по одной травинке. Через некоторое время у медведицы родились два медвежонка. Один медвежонок был похож на мать и отца, имел медвежий облик. А другой походил на человеческое дитя.

Мать-медведица очень любила своих детей, лелеяла, растила. Только дети росли по-разному, играли в разные игры. Медвежонок-сынок играл в медвежьи игры, а дочка в человеческие игры играла, человеческие дела делала. С берез снимала кору, шила берестяную посуду, украшала узорами.

Однажды мать говорит детям: «Дитятки мои, скоро нас найдет городского Духа большая собака, и придут за нами. Нас с тобой, сынок, изведут. А ты, дочка, похожая на людей, все, что сшила из бересты, украсила узорами, вынеси и поставь на нашу берлогу. А когда городской Дух будет варить наше мясо, угощать людей, ты ничего не трогай. Собери наши косточки в свои узорчатые йингалы, соны, унеси за дом и у подножья высокой горы схорони от зверей и птиц. И еще одно прошу: не плачь, ни одной слезинки не оброни».

Только сказала эти слова, как залаяла городского Духа большая собака, нашла берлогу.

Девочка быстренько вынесла берестяные красивые изделия и поставила на берлогу, как велела ее мама—медведица. Сама снова забежала в берлогу. Городской Дух подошел к берлоге и видит: на ней стоят берестяные йингалы, соны, дивные узоры играют.

— Те! Что за чудо! Никогда я такого не видел, никогда о таком не слышал. Наверно, здесь человек живет, — говорит городской Дух.

В это время медведица-мама стала уговаривать дочку выйти из берлоги. Та очень любила маму и не могла послушаться — вышла.

Маму-медведицу и брата-медвежонка «спустили» с высоты: посадили на нарту и привезли в дом городского Духа. Выбрали самое заветное место, посадили медведей. Собрался весь народ, который жил в этом городе. Праздновали семь дней, семь ночей. Котел за котлом варили, чашу за чашей, полные едой, ставили на стол, ели, пили, праздник проводили. Дочка медведицы помнила наказ матери, собрала косточки в свои берестяные кузова, йингалы, соны, унесла за дом и под высокой горой схоронила, не тронула ни единого кусочка мяса, ни одной слезинки не обронила, хотя сердце ее разрывалось, она помнила наказ матери. Страшная боль была в душе за брата, но она ни единой слезинки не пролила, не хотела перешагнуть материнское слово.

Жили, жили. Кто знает, сколько жили. Однажды девочка решила посмотреть, что же там, за домом, где похоронены косточки матери-медведицы, брата-медвежонка. Оказалось, высокая гора вся покрылась цветочным алым ковром. Девочка сразу подумала, что это ее мама и брат в цветы превратились. Это место стало святым, туда не ступает ни мужчины нога, не ступает и женщины нога.

А у городского Духа вырос сын и женился на девушке — дочке медведицы. Говорят, они очень счастливо жили и сейчас они живут.

Эту сказку мне рассказала моя мама Варвара Ивановна Вагатова, а ей рассказала моя бабушка — мама моего отца Федосья Алексеевна Вагатова.

СКАЗКА-СОН

СТАВШИЕ СВЯТЫМИ ДУХАМИ ТРИ ЖЕНЩИНЫ

Этот сон приснился мне 10 марта 1991 года. Я не сном теперь это называю, а сказкой. Кто знает, может, и вправду наступит такое время, и эти три женщины — внучки Вон Торума — будут вести живую жизнь людей, деревьев, трав, зверей и птиц на Земле, в Космосе. Эти три святые женщины заменят уставших святых духов, которые по сей день берегли, сохраняли мой народ и его окружение... Такие у меня мысли, такие думы.

...Я даже не успела как следует уснуть, как явилось мне это видение (я точно знаю, что это не сон, все это я видела). Ко мне пришла женщина, слегка улыбаясь, посмотрела на меня, положила руку на плечо. Я подумала: знаю или нет эту женщину? Она была очень красивая. Косы были длинные, до пят, на коснике, на одежде много украшений. На голове цветной платок с длинными кистями. Косник с украшениями и кистями платка переливались блеском и множеством цветов,

которые я видела в природе, вообще в окружающем большом Пространстве — в доме Торум Аси, Торум Аннки. В этот миг я подумала о маме, когда-то она тоже была такая красивая, благородная, но это была не мама...

Мои думы сразу же прервала женщина: «Нет, я не твоя мама, только ты меня послушай, что я тебе расскажу... Вот живу я и у меня родилась девочка, дочка появилась. Но не успела я обрадоваться, почувствовать ее своим сердцем, она исчезла. То ли пеший дух взял, понес, то ли крылатый дух взял, понес мою крошечку, я не знаю, даже не заметила.

Что тут поделаешь, стала дальше жить. Родилась у меня вторая девочка. Радость не успела войти в мою душу — снова девочка исчезла, только промелькнула. Что за чудо? Кто был? Может, пешие сто святых духов, они взяли мою доченьку, а может, крылатые сто святых духов, они понесли мою крошечку... Где мне ее искать, где мне ее взять? Остались у меня пустые руки...

Снова начала жить дальше. Недолго так прожила, снова девочка у меня появилась. Какой чудесный человек! Радость какая!..

И вдруг все опять исчезло. Опять не стало моей чудесной крошечки, опять осталась без маленькой дочки, нигде ее нет. Никакого святого духа не заметила, никакого злого духа не видела, даже во сне не приснилось. Кто знает, что за чудеса?

Третью девочку тоже не удалось мне растить, не пришлось радоваться моему материнскому сердцу, моей материнской душе.

А теперь слушай дальше. Собирайся, пойдём со мной, может быть, мы повстречаем моих девочек, может, наши глаза увидят моих дочерей».

И мы с ней вышли в путь. Мы сразу увидели большой, красивый дворец, только смотрю и гадаю: из чего же он сотворен? Не из бревен деревянных, не из камня и кирпича. Стоит этот дом, этот дворец высоко, занимает полнеба, построен, смотрю, он из разноцветных радуг. Все цвета небесной радуги переплелись, слились, переливаются. Они превратились в такой дворец. Живёт в этом доме молодая женщина, сидит на высоте Солнца, на высоте Луны. Она все-все видит кругом, осматривает все вокруг себя. Эту женщину тоже со всех углов Земли и Неба видит каждый человек, видят и знают птицы, звери, деревья, травы, звезды. До сих пор мои глаза видят красоту, украшения этой женщины. Её вид, одежда и человеческое сердце греют меня. Бисер, бусы, ожерелья украшали её голову, шею, волосы были черные, блестящие, длинные, вплетены в косы, на голове шелковый платок, его длинные кисти далеко развеваются. Женщина была очень большая и высокая. Пока я все это рассматривала, моя попутчица все стояла возле меня. Вдруг посмотрела на меня и воскликнула: «Ешак Вон Торум Аси! Предобрый, прехороший Большой Торум Отец! Это же моя самая младшая дочка. Видишь, кем она стала, видишь, Большой Торум кем её поставил, кем её нарек. Она стала святым, добрым духом. Всем земным людям, женщинам и мужчинам, счастье, радость даёт, посылает, всему живому даёт дыхание жизни, греет кровь, сердце человека, её сердечное тепло впиты-

вается в Землю и Воду, звери, рыбы, деревья и травы, букашечки берут живое ее дыхание и тепло».

Услышала я это и подумала: «Наверное, ее дочку взял Большой Торум Отец». Женщина как будто угадывала мои мысли и думы, сразу отвечала.

— Да, это правда. Ты же видишь, где она живет, как она одета, украшена. Сколько тепла и силы у нее, все это отдает жизни на Земле, в Пространстве. Большой Торум Отец дал ей назначенье быть святым духом жизни, поэтому все должны молиться ей, кому нужна жизнь, кому нужно живое дыхание, продолжение или появление жизни. От нее только будет зависеть, чтобы были живые люди, звери, травы и деревья, птицы, рыбы, только она будет продолжать живые корни жизни.

Пока я слушала женщину, увидела другое... Вокруг меня солнечно, живая Земля. Сколько людей на Земле — видно всех до единого, знаю, чувствую все и вижу их жизнь. Это же знает, видит, чувствует моя попутчица. И тут мы с ней увидели женщину, какую ни в сказках, ни во сне никогда не видели, не знали.

Величиной она была такая, что Землю могла заслонить, Землю могла укрыть, высотой была такая, что могла Землю заслонить. Она была очень красивая, множество украшений висело на коснике вдоль длинных, черных кос, ожерельями украшены шея, одежда. Однако руки и ноги у нее не были похожи на человеческие, они походили на лапы какого-то когтистого зверя, покрыты были длинной шерстью цветом темно-синего дыма. И еще она не ходила на ногах, а витала волнообразно между Землей и Небом, слегка задевая Землю

то передними лапами, то задними лапами. При этих движениях каждая шерстинка на лапах горела огнем, дышала, отдельно жила. И что бы эта женщина ни задела, чего бы ни коснулась — только вихрь пронесется и там ничего живого не останется. Как говорят в хантыйском народе, «мертва земля, безжизненна вода».

Моя попутчица тоже наблюдала за ней, за этими чудесами. Вдруг неожиданно опять воскликнула: «Ой, Большой, Светлый Бог — Торум Аси! Это же моя средняя дочка! Вот кем она стала по воле Бога Торума! Она тоже стала святым духом, только духом, посылающим всему живому смерть. Эй-я, ее глаз что увидит, ее взгляд что найдет, что ее руки заденут, чего ее ноги коснутся — все это исчезает, умирает, затухает. После этого нет живой Земли, живой Воды, живой Жизни».

А я тогда подумала, что первая святая женщина, которая живет во дворце из радуг, дающая жизнь, живое дыхание, наверное, сильнее этой святой, посылающей смерть, убивающей все живое, закрывающей живое дыхание...

— Нет! Знаешь, она же младшая дочка, ее сила не возьмет силу старшей, — сразу ответила женщина моим мыслям.

Пока я слушала ее, святая женщина незаметно исчезла, ушла с глаз полузверь-получеловек, причиняющая горе и смерть, неизвестно куда.

Мы находимся очень высоко и нам все, все видно, никакая деталь живой жизни не ускользнет из нашего взгляда, из нашей души, что нельзя увидеть — чувствуем.

Оглядываемся мы, две женщины, вокруг, и видим, где пасутся коровы, олени, кони, овцы, видим, кто что уме-

ет делать красиво, кто творит разные чудеса. Наши уши ловят сказочные звуки, песни, мы видим игры. Танцующие — танцуют, поющие — поют. Люди целыми городами, деревнями живут, все делают разные дела, без которых невозможно жить, нельзя жизнь вести. Везде проявляется сноровка рук, ног. На плечах живой Земли растут, вырастают узорчатые леса, выются и бегут струей реки и речки. Люди бегают за зверями, за рыбами — охотятся, рыбачат. Куда бы мы ни посмотрели — везде видим, как одна женщина подсказывает, наставляет человека на дело, учит мастерству, душу пестует, побуждает творить красоту, добро, бессильного делает сильным, неумелого умелым... Женщина эта краше двух первых, одежда на ней переливается всеми цветами жизни, вся в узорах.

— Ешак Нуви Асие! Это же моя старшая дочка, это же мой первый ребенок! Она тоже стала святой женщиной, дающей людям мастерство, ум, талант, творческие способности, чтобы человек мог творить красоту, руками и ногами делать чудеса. Моя старшая дочка стала по воле Светлого Отца духом творчества, ума и мастерства, без чего нельзя живую жизнь иметь на Земле и в Пространстве. Все, что накоплено за сто Солнечных лет, сто Лунных лет, она знает и передает всем, каждому человеку отдельно. Мало иметь тело, живое дыхание, надо уметь делать все, что необходимо для светлой живой жизни.

Только произнесла она эти слова, я почувствовала, что она исчезает куда-то. Я подумала, неужели мы с ней расстанемся и кто же она была? В ответ слышу: «Думай, думай, думай...»

СОДЕРЖАНИЕ

«В моем сердце вся природа...» *Еремей Айпин* 3

СЕРДЦЕ МАТЕРИ. Стихи

Песня бабушки. <i>Перевод Г.Слинкиной</i>	8
И горда я, и красива... <i>Перевод А.Смольников</i>	9
Войди в мой дом*	10
Моя вода реки Мосум*	11
Сердце матери. <i>Перевод В.Мазина</i>	12
Доченька, доченька! <i>Перевод В.Мазина</i>	14
Если сердце мое поет...*	15
В моем сердце вся природа. <i>Перевод А.Смольников</i>	16
Молитва матери*	17
Солнца тепло — матери грудное молоко*	18
У весны большое тепло*	19
Аннэ. <i>Перевод Н.Шамсутдинова</i>	20
Свекрови. <i>Перевод В.Мазина</i>	23
Святая женщина огонь. <i>Перевод Н.Шамсутдинова</i>	24
Голубое небо*	27
Женщина из Осьоланг поет*	28
Дыхание ребенка*	30
Моя песня, моя песня! <i>Перевод В.Мазина</i>	31
Если пошла плясать девушка ханты. <i>Перевод Н.Шамсутдинова</i>	33
Мои ханты, мои люди*	35
Милый Петар, мой муж... <i>Перевод А.Смольников</i>	37

ХАРСАЮМ. Стихи

Тем в ком нет сердца. <i>Перевод А.Смольников</i>	42
Помни!*	43
Жизнь наша — извилистая река*... ..	44
Кромешная темнота*	46
Хантыйской земли плач*	48
Большому сыну, который живет, как святой Ворт*	50
Мне велено иметь силы, равные духам...*	53

Пусть не кончается вереница лет!	57
Моя березонька*	59
Услышь!*	60
Святая женщина реки Пим*	61
Харсаюм*	63
Земля моя обская. <i>Перевод автора</i>	66
Мои люди из деревни Тукьяканг*	71
Глаза твои, подобные двум звездам...*	73
В сердце леса*	74
Два белых оленя*	75

ХЕТТА. Стихи

Не меняй руку друга*	80
Вы белый лебедь взгляду моему. <i>Перевод Г.Слинкиной</i>	81
Люди реки Мосум Ай Юван*	82
Только б олени на Земле остались...*	86
Ярась. <i>Перевод Г.Слинкиной</i>	88
Москва*	89
Семь голов семи святых холмов*	91
Его высокое слово*	93
Мужчина проехал. <i>Перевод В.Мазина</i>	95
Венгерские песни*	97
На ракете*	98
Я ушел на военную дорогу*	99
Я — женщина, подобная длиннохвостой лисице*	100
Хвостун. <i>Перевод А.Смольникова</i>	101
Человек высотой взлетевшей птицы*	102
Только б счастье было!*	103
Пришла весна*	104
Музыка моей земли*	105
Мой маленький белоногий олень*	106
Краски Райшева*	107
Моя тундра*	108
С солнцем, в сторону солнца!*	109
Мое слово, мой язык*	111
Солдат из камня*	112
Счастье теперь нашло*	114
Пусть живет на Земле дух дружбы*	115

Праздник мая*	116
Ешак ям нэ*	117
Орден Ленина*	118
Новый год*	119
Рыбаки. <i>Перевод Г.Слинкиной</i>	120
Утро на Оби. <i>Перевод Г.Слинкиной</i>	121
Полет...*	122
Новая жизнь*	123
Большой мужчина Истомин*	124
Хетта*	125
Старый муравейник*	126
Слово деда*	128

ЛЕГЕНДЫ И СКАЗКИ

О легендах	132
У женщины Огня было два глаза...	132
Огонь надо чтить...	133
Окуривание	134
Приметы	139
О святости человеческих волос и ногтей	142

СЦЕНКИ ДЛЯ МЕДВЕЖЬИХ ИГРИЩ	145
Хилые и Сяси Ими	145
Каранг Венш, Сутаренг Венш	150
Пословицы и поговорки	153

ХАНТЫЙСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ	155
Укашопие. <i>Перевод автора</i>	155
Маленькая сказочница и ее шубка, украшенная бубенчиками. <i>Перевод автора</i>	164

СКАЗКА—СОН	178
Ставшие святыми духами три женщины. <i>Перевод автора</i>	178

* Подстрочный перевод автора.

Вагадова М.К.
В12 Моя песня, моя песня: Стихотворения,
легенды, сказки. — Екатеринбург: Сред.-
Урал. кн. изд-во. Новое время, 2002. —
192 с., ил. На русск. яз.

ISBN 5-93714-004-4

В пер.: 1500 экз.

Издается по заказу Комитета по средствам мас-
совой информации и полиграфии Администрации
Ханты—Мансийского автономного округа.

ББК 83.3. Хан.

Мария Кузьминична Вагадова
Моя песня, моя песня

Редактор Г.И. Гломоздова
Предисловие Еремея Айпина
Компьютерный набор С.Х. Хакназарова
Компьютерная верстка А.Ф. Агзамова
В оформлении книги использовано фото М. Егорова

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 066595,
выдана 19.05.1999 г.

Подписано в печать 22.05.2002. Бумага мелован.

Формат 70x108^{1/32}. Гарнитура SvetlanaС. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 7,74. Уч.-изд. л. 6,88.

Тираж 1500 экз. Заказ № 10.

ООО «Средне-Уральское книжное издательство. Новое время»,
620077, г. Екатеринбург, а/я 62

Отпечатано на ГИПП «Уральский рабочий»

620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

X

204952004
Окружная библиотека

Мария Кузьминична Волдина (Вагатова), член Союза писателей России, заслуженный работник культуры Российской Федерации, лауреат международной премии Общества Кастрена, живет и работает в городе Ханты-Мансийске. Автор сборника стихов и сказок «Ханты-мансийские сказки» (совместно с А.С. Тархановым), «Ас Аланг», «Ай нёрум хо» («Маленький тундровый человек»). Книга «Моя песня, моя песня» («Ма арием, арием») в 2001 году вышла в свет на хантыйском языке.